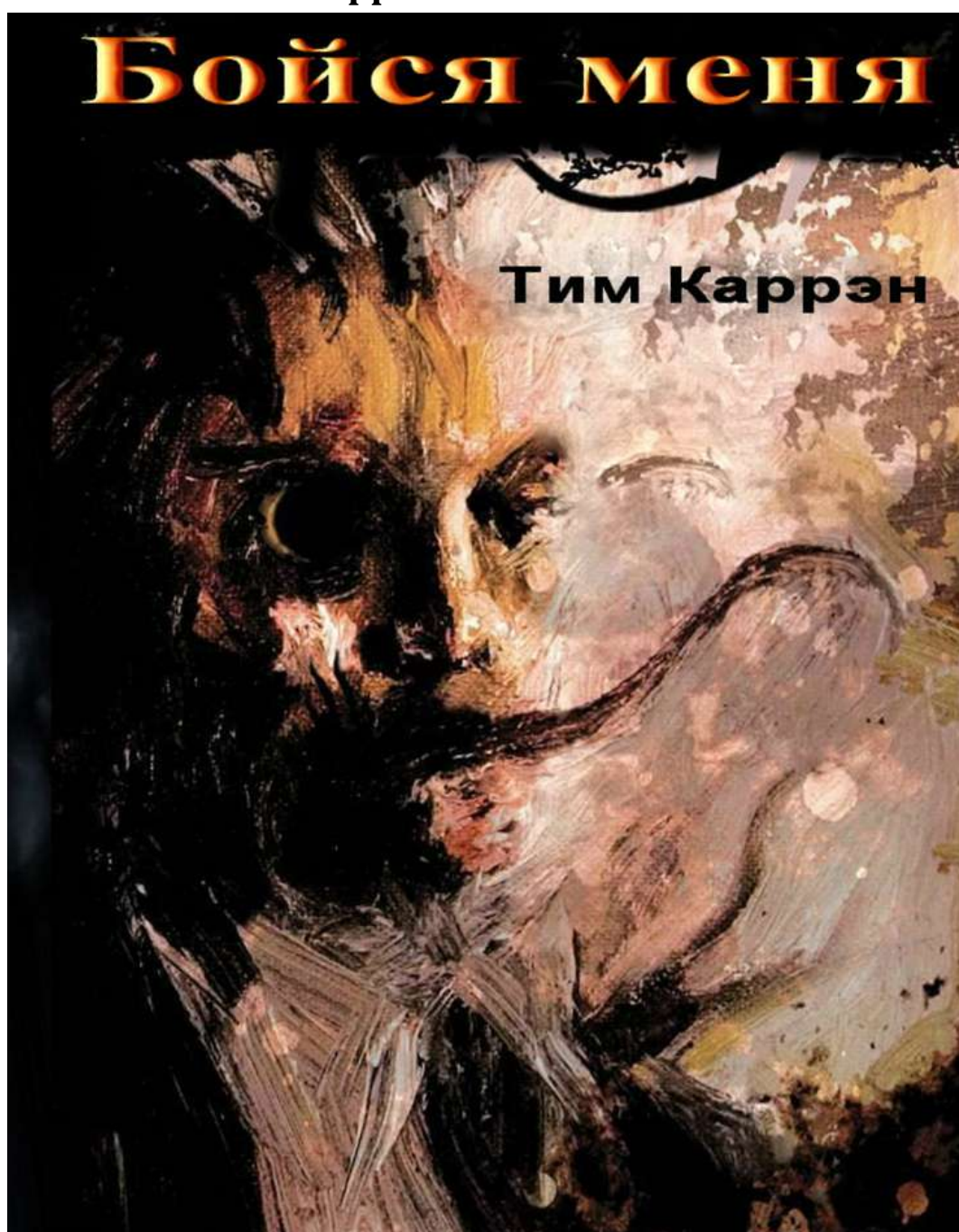

Тим Каррэн – Бойся меня

Переведено специально для группы

~"*°•†Мир фэнтези†°*~

<http://vk.com/club43447162>

Название на языке оригинала: Fear Me

Автор: Тим Каррэн / Tim Curran

Переводчик: Карина Романенко

Редактор: Александра Волкова

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Аннотация

Долина Шеддок.

Тюрьма максимально строгого режима, в которой сидят худшие из худших: наркоторговцы, психопаты, насильники, бандиты и байкеры вне закона.

В месте, подобном этому, у тощего паренька, вроде Денни Палмквиста, нет ни единого шанса. Неприятности не заставят себя долго ждать.

А потом они начинают умирать. Жутко.

В запертых камерах.

Когда солнце садится за горизонт, в Долине Шеддок наступает время кошмаров. Когда засыпает Денни Палмквист, просыпается что-то ещё.

Что-то первобытное.

Что-то кровожадное.

И если вы заденете Денни Палмквиста, оно вас найдёт.

И ничто не сможет помочь вам во тьме.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Оглавление

-1-	4
-2-	6
-3-	7
-4-	10
-5-	13
-6-	16
-7-	17
-8-	19
-9-	21
-10-	22
-11-	24
-12-	26
-13-	30
-14-	33
-15-	35
-16-	38
-17-	39
-18-	40
-19-	43
-20-	47
-21-	49
-22-	51
-23-	53
-24-	56
-25-	57
-26-	58

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Посвящается Саймону Кларку

-1-

Как только Ромеро увидел новенького, он понял, что грядут неприятности. Он чувствовал, как его гложет это чувство изнутри, холодное и необъяснимое.

Когда сидишь десять лет в тюрьме и не увидишь условно-досрочное ещё года три как минимум, то начинаешь прекрасно чувствовать грядущие неприятности. Знать, как они пахнут, как ходят, как разговаривают.

Сержант Йоргенсен завёл новичка внутрь и сказал:

- Ну, что, Ромеро, у тебя новый сокамерник. Он молодой и невинный, так что не попорти мне его.

Йоргенсен считал, что это очень остроумная шутка. Он схватил новенького за руку и подтолкнул к Ромеро.

- Он полностью в твоём распоряжении, так что не сломай его.

Йоргенсен вышел из камеры, и дверь захлопнулась. Он пошёл дальше, крутя в руках дубинку, хохоча с другими охранниками и разыскивая, к кому бы прицепиться и проломить башку.

Ромеро встал и окинул взглядом новенького. Когда у тебя есть время попрактиковаться, ты становишься особенно хорош в таких «взглядах». А у Ромеро это была уже вторая ходка. Когда ему было двадцать, он уж сидел на пять лет в Брикхейвен за крупную кражу и незаконную торговлю оружием.

Сейчас ему уже сорок. На этот раз он сел за оскорбление и нападение на сотрудника полиции, и теперь просто ждал, когда этот грёбанный срок закончится.

Ромеро надеялся, что с выходом из этой дыры, он сможет избавиться от той тьмы, что сидела внутри него долгие-долгие годы.

И щуплый парнишка, который станет проблемой, ему был абсолютно не нужен.

- Как тебя зовут, Цыпа? - Ромеро подошёл ближе, скрестив на груди накачанные руки и давая возможность парню, рассмотреть его татуировки. Этот молокосос должен сразу понять, что Ромеро здесь главный, и он выдавит глаза и расквасит череп, если кто-то станет на его пути.

- Денни, Денни Палмквист, - ответил парнишка.

Ромеро покачал головой. Бабское имя. Палмквист. Чёрт, да зеки съедят его и не подавятся.

- Ладно, Денни. Я буду звать тебя «Цыпа». Ты не против, Цыпа?

Мелкий засранец ничего на это не ответил. Просто стоял в углу камеры с виноватым взглядом потерявшегося щенка. Хотя Ромеро прекрасно знал, что такие как Денни Палмквист и были потерявшимися щенками.

Господи, только гляньте на этого ребёнка!

Сто шестьдесят пять - сто семьдесят сантиметров ростом, килограммов шестьдесят. Да в такос (блюдо мексиканской кухни, состоит из кукурузной или пшеничной тортильи, наполненной разнообразной начинкой больше мяса – прим.пер.) больше мяса, чем на этом парне! Наверно, остальные уже качали мышцы, чтобы решить между собой, кому достанется эта тощая задница. Отвратительно. Кожа да кости.

Конечно, размер не всегда имеет значение. В Шеддоке тоже была парочка норовистых зеков - и оба были худощавыми едкими ублюдками с заточками. Но по виду Денни Палмквиста можно было смело сказать, что он - ничто.

Он не сможет себя защитить, а значит, станет жертвой. И в течение ближайших сорока восьми часов он точно станет чьей-нибудь опущенной сучкой.

Ромеро был жёстким человеком.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

До отсидки Ромеро работал на улицах: толкал кокс, угонял машины, дрался и даже проломил парочке черепа. Такая жизнь отлично готовит к существованию в тюрьме. Ромеро был жестоким, внушительным и был готов в любую минуту дать в морду, если на него косо посмотреть.

Но этот ребёнок? Нет, у него за спиной явно не было улицы. Маленький родной городок, какой-нибудь кружок в старших классах. Да он явно готов был обмочиться, когда его толкал местный хулиган!

Такому парню нечего было делать в тюрьме максимально строгого режима.

Черномазые первыми примутся за его милую задницу. А если не они - то латиносы. Чёрт, да даже белые - байкеры и группа Арийских Братьев - первым делом возьмутся торговать его белым задом.

Ему нужен тот, кто будет за ним присматривать и защищать.

Но он не справится и с Братями, и со скинхедами, и с неотёсанными наркоторговцами. Ни одна банда не вступится за такую цыпу, как Денни Палмквист. А Ромеро? У Ромеро есть собственные проблемы.

Он сел на койку и закурил:

- Твоя койка верхняя, Цыпа.

Но парень не сдвинулся с места.

- За что сидишь? - спросил он.

Вот дятел бестолковый! «За что сидишь?» Этот ребёнок точно посмотрелся фильмов про тюрьму с Джеймсом Кэгни и прочего дерьма.

- Я же сказал, - повторил Ромеро. - Твоя койка верхняя.

- Похоже, ты не очень разговорчивый.

Ромеро бросил на него быстрый взгляд:

- Закрой пасть, Цыпа. А если не закроешь, я тебе туда что-нибудь засуну и закрою сам.

Понял, о чём я говорю?

Парнишка понял.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-2-

День второй.

Ребёнок до сих пор оставался нетронутым, но так не могло продолжаться. Пока они гуляли во дворе, все зеки следили за ним, вдыхали запах новичка и размышляли, чьей сучкой он станет.

Ромеро знал, что долго такое не продлится.

Сначала они заберут у него в столовке еду, избьют во дворе на прогулке, а потом попробуют изнасиловать в прачечной или в душевой. Так всё и начинается. Давление со всех сторон.

Зеки будут кружить вокруг него, как изголодавшиеся псы вокруг сочного свежего мяса. Решать, кому достанется первый кусок. Затем появится какой-нибудь надсмотрщик и скажет Палмквисту, что готов защищать его за определённую сумму. И не важно, откуда тот возьмёт деньги - у отца, матери, брата или отца святого - он будет держать своё слово, пока будут платить.

А если у него не будет денег? Тогда он станет сучкой какого-нибудь бугая, будет нагибаться и сосать ему член. Потому что здесь всё происходит именно так: если ты не часть одной из группировок, то тебе не хватит сил дать отпор в одиночку.

И ты никогда не выйдешь из этой кабалы.

Уж точно не в Долине Шеддок.

Здесь была настоящая дыра. Если закрыть тысячу парней, как каких-то животных в клетках, на месяцы и годы, но совсем скоро даже самые хорошие из них потеряют человечность и начнут показывать зубы.

Это был мрачный, серый, бетонный мир, в котором ты сам закапываешь свои надежды самой огромной лопатой. А вместе с ними - и себя самого. Жестокие охранники. Отвратительная жратва. Теснота. Одиночество. Разочарование. Как в печке летом и как в холодильнике зимой. Насекомые. Крысы.

Прибавьте к этому нечеловеческое отношение, вмешательство в личную жизнь, унижительные осмотры и обыски... Это выдавит из вас всё лучшее, что осталось. И тогда останутся лишь хищники и жертвы.

Парни с татуировками и мёртвыми глазами изучают двор, обнюхивают каждый закоулок в поисках отставших от стаи и слабых - любого, кого можно повалить на землю и вцепиться зубами, не ожидая отпора в ответ.

Зеки в Шеддок грабят друг друга, дерутся друг с другом, толкают друг другу наркоту, бухло и контрабандную порнуху, а иногда и приводят баб.

Они могут убить за деньги, а иногда и просто так. Они готовят заточки и режут ими друг друга, насиляют друг друга, убивают друг друга, стучат друг на друга. Большинству из них абсолютно нечего терять.

Шеддок - как кипящий, бурлящий котёл, в который побросали все отбросы общества: хулиганов и насильников, серийных убийц и расистов, религиозных фанатиков и психопатов. И здесь они были сконцентрированы на небольшом пространстве за колючей проволокой и высоким бетонным забором.

И из всего этого котла воняло дерьмом, немытым телом, рвотой, болью и непроглядной тьмой, и, когда вы сюда попадаете, эта вонь сразу ударяет вам в нос.

Финиш.

У такого парня, как Денни Палмквист, нет шансов в этой тюрьме.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-3-

- А ты не очень разговорчив, да?

Ромеро лежал на своей койке и пытался читать книгу, пока не потушат свет. Это был роман о каком-то парне, старавшемся выжить в Антарктиде. Ромеро нравились подобные книги, потому что он понимал, что выживание было реальным.

- Почему бы тебе не заткнуться на хрен, а, Цыпа?

Этот ребёнок вздохнул, сидя на узкой койке напротив цементной стены и глядя на прутья решётки.

- Чёрт, я просто говорю, что мы здесь заперты вместе надолго, поэтому, может, стоит наладить отношения?

- Слушай, Цыпа: я не собираюсь тебя трахнуть или перерезать глотку... Почему бы тебе просто этому не порадоваться?

- Я думал, мы можем поговорить.

Ромеро это было на фиг не нужно. Он не хотел иметь ничего общего с этим мелким ублюдком. Сначала начинаешь разговаривать с парнем, потом чувствуешь, будто вы стали друзьями. А потом вообще захочется начать о нём заботиться.

«А мне это не надо, - думал Ромеро. - Точно не надо».

Дело в том, что Ромеро не мог точно понять, что его беспокоит в этом ребёнке. И стоит ли впрягаться за него. Было в этом парне что-то непонятное, из-за чего он не нравился Ромеро, только мужчина не мог понять, что же это.

- Ладно, Цыпа, начинай. Расскажи мне свою чёртову историю. Что ты сделал? Трахнул чьего-то пуделя? Столкнулся в подворотне со шпаной? Расскажи свою душещипательную историю, почему тебя сюда упекли.

- Непредумышленное убийство.

Ромеро чуть не заржал. Непредумышленное?

- Ты? И чё ты сделал? Переехал старушку на мамочкиной машине?

Палмквист не отреагировал на подначивание.

- Нет... Это была девушка. Ну, знаешь, мы вроде как встречались. Ничего серьёзного. Пару свиданий, всё такое. А потом её убили, и в этом обвинили меня, потому я был последним, кого с ней видели.

Мальчишка опустил взгляд на свои пальцы, словно пытаясь понять, могли его руки совершить подобное.

- Ну и вот... Я признал свою вину. Согласился на пять лет за непредумышленное, иначе окружной прокурор грозил обвинить меня в убийстве первой степени. А это верная смертная казнь.

Вот теперь Ромеро расхохотался.

- И какого хрена ты это сделал, Цыпа? Да окружной прокурор тебя разыграл на раз-два. Если они хотели повесить на тебя убийство, им пришлось бы доказать твою вину самим.

- Мой адвокат тоже так говорил, но я пошёл на сделку.

- А надо было послушаться адвоката, Цыпа. И тогда бы тебя здесь не было.

Но Палмквист покачал головой.

- Нет, ты не понимаешь. Я не убивал ту девушку. Это сделал мой брат. Ну и я не хотел, чтобы это вылезло наружу.

Ромеро усмехнулся и закурил.

- Интересный у тебя братец. Позволяет тебе тянуть за него его же лямку.

- Мой брат... Деймон... Он не такой, как мы. Он другой. Я не хотел, чтобы это вылезло наружу из-за того, какой он, и что делает.

Ромеро не сводил глаз с Денни Палмквиста. Это чёртового сукина сына Цыпы. Он так говорил о брате, словно тот лазит по деревьям, имеет две головы и стальной член.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Это было бы смешно, но... Какого хрена? Когда этот ребёнок говорил о брате, в его глазах промелькнул испуг, словно он боялся своего брата. Может, в этом всё и дело?

- Лучше бы тебе определиться с приоритетами, Цыпа, и поскорей, - произнёс Ромеро. - Позвони своему адвокату и расскажи ему правду. Вот что ты должен сделать.

- Я не могу так поступить.

- Тогда тебе будет плохо, Цыпа. Реально плохо.

Теперь парнишка посмотрел Ромеро прямо в глаза, и в его взгляде мужчина увидел угрозу.

- Я не Цыпа, Ромеро. Это уже вторая тюрьма, в которую меня засунули. Я знаю, как всё устроено.

- Да? И где ты до того сидел?

- В Брикхейвене, в другой части штата.

- В Брикхейвене?

- Да. Ты там был?

- Был. Много лет назад.

Брикхейвен. Да неужели? Брикхейвен - это не шутки. Ромеро представить не мог, как этот малёк выжил в том болоте. Может, ему повезло. Только вот в Шеддоке он может и не надеяться на удачу.

В Шеддоке держали всех нарушителей, с которыми не справлялись в других тюрьмах.

Но тут Ромеро задумался: несколько месяцев назад в Брикхейвене что-то произошло, что-то реально ужасное. Интересно, каким образом во всём этом замешан этот ребёнок?

- Брикхейвен - не Шеддок, Цыпа. Здесь парни будут делать с тобой ужасные вещи.

- Даже хуже, чем со мной поступали в Брикхейвене?

- Да.

Но Палмквист лишь покачал головой:

- Это они зря. Конечно, они не понимают, что для них хорошо, а что плохо... Но, когда мой брат узнает, что они меня тронули, у них будут проблемы.

- Здесь? Вот тупой засранец! Ты себя вообще слышишь? Твой брат тебе здесь не поможет. Разве не понимаешь? Может, он и бешеный ублюдок, но он там, снаружи, а за этими стенами ты остался один.

Глаза Палмквиста потемнели и опасно блеснули:

- Поосторожней со словами, Ромеро. Ты ведь не хочешь его разозлить?

Ромеро затушил сигарету и поднялся на ноги.

- Ты чё сказал, мудака? Ты хоть подумал, что сейчас ляпнул, мать твою?

Ромеро возвышался над Палмквистом, готовый вот-вот ударить, выбить всю дурь из этой башки и переломать кости.

- Давай сразу разберёмся со всем, Цыпа. Расставим всё по местам, ладно? Может, ты и выжил в Брикхейвене. Может, тебе там и повезло. Но здесь на удачу не надейся. Ты - кусок вкусного мяса, и каждый здесь хочет откусить от него. Эти животные будут бить тебя, резать, поджигать и насиловать. И кто их остановит? Твой хренов брат? Не смейся меня! Эта тюрьма на краю мира, идиот!

Палмквист, казалось, был готов разрыдаться.

Ромеро хотел этого. Лучше он заплачет сейчас, выпустит всю свою человеческую слабость перед Ромеро и возьмёт себя в руки. И чем скорее, тем лучше.

- Открою тебе маленький секрет, Цыпа. У тебя нет шансов. Можешь выбрать себе папочку, пока он не выбрал тебя сам.

- Чёрт, посмотрим.

Ромеро хотел врезать ему разок, чтобы у мальчишки начала варить голова, но... Снова это неприятное ощущение внутри, словно скручивает внутренности. Этот ребёнок принесёт

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

неприятности и развернется ад. Это остановило Ромеро... И чувство отвращения, будто собираешься коснуться огромного паука или пожираемую червями крысу. Чувство было очень сильным, до приступа тошноты.

Но ощущение того, что этот парнишка обладает над Ромеро такой властью, хоть и прав на это не имеет, вывела мужчину из себя.

- Чёртов сосунок! Да если я прямо сейчас решу тебя избить или трахнуть, ты не сможешь меня остановить! Я добьюсь того, чего захочу, и ты ничего с этим не сможешь сделать, ты ведь понимаешь это? Я тебе врежу, трахну, а уже завтра или через неделю буду продавать твою симпатичную задницу за мыло и курево. Как тебе такая идея? Нравится? Так что только дай мне повод, Цыпа, дай мне повод вытащить бритву, порезать тебя в мелкие клочья и трахнуть то, что останется. Ну, вперёд, нахальный сопляк, дай мне повод!..

Но Палмквист не двигался.

Он просто смотрел на прутья решётки, словно ему было интересно, что за ними находится.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-4-

Следующим утром во дворе.

Ромеро сидел рядом с перекачанным латиносом-вором по имени ДжоДжо Аквинтес и огромным татуированным байкером Риггзом. Последний, казалось, только вышел из какой-то пещеры времён Неолита и до сих пор питается сырым мясом.

Все трое сидели за столиком у стены и выглядели устрашающе в оранжевых тюремных робах.

Риггз рассказывал, как всего через пару месяцев его срок закончится, и он выйдет. Он отказался от своего права на условно-досрочное, отсидел всё до конца, и поэтому после выхода из тюрьмы за ним не будет увиваться хвостом офицер по надзору.

- Я выйду через эти ворота, парни, и буду свободен, как птица, - говорил он. - Деньги снова потекут ко мне в руки.

Ромеро понимал, о чём тот говорит.

Риггз был членом клуба байкеров «Монголы» и главным в сети сбыта метамфетамина. Когда он выйдет, то собирается снова прибрать к рукам всё, что осталось до его ходки. Риггз за монетку в пять центов усадил черномазого дилера коком в инвалидное кресло голыми руками. Вот таким он был парнем.

Аквинтес рассказывал, что ему ещё долгое время придётся сидеть и смотреть на эти стены, потому что тянуть ему свой срок ещё пяток лет. «Зато когда выйду, - говорил он, - больше никаких вооружённых ограблений».

А ведь именно они и привели его сюда. Теперь он подумывал о чём-то менее жестоком, например, мошенничестве со страховками. И если парень разберётся во всех нюансах, то может в этом неплохо преуспеть.

Только Ромеро их не слушал.

Он наблюдал за Денни Палмквистом, который топтался у бейсбольной площадки с другими отбросами - растлителями несовершеннолетних, педофилами, серийными убийцами и слабаками.

Зеки не любят такой контингент - парней, что вредят женщинам и детям. Для этого и яйца-то не нужны. А тех, у кого они были, здесь уважали; ими гордились, потому что они определяли место человека в пищевой цепочке за этими стенами. Я вот остальные в тюрьме были неугодными и на них все смотрели свысока.

Иногда, когда какой-нибудь реальный зек начинал скучать, он подходил к бейсбольной площадке и выбивал всё дерьмо из какого-нибудь педика, серийника и педофила. И сразу чувствовал себя лучше.

Да, и Денни Палмквист находился в той толпе.

Держался в сторонке и пытался не привлекать внимание педофилов своей детской мордашкой.

Но кое-кто из зеков во дворе наблюдал за ним и задавался вопросом «а кто эта новая сучка?».

- Что скажешь о своём новом сокамернике, Ромеро? - спросил Аквинтес, вытаскивая из кармана самокрутку, на половину набитую табаком, а на половину - марихуаной.

Хороший вопрос. Только вот Ромеро не знал, что ответить. Этот пацан был новичком, слабаком, беззащитным, как котёнок, но... но было в этом мелком ублюдке что-то жуткое. То, что Ромеро не нравилось, но он не мог подобрать для него название.

- Глянь, с кем он зависает, - ответил Ромеро. - Ни о чём тебе не говорит?

Риггз качнул головой, почти пританцовывая от нетерпения пойти и надрать задницу какому-нибудь насильнику.

- Обычная сучка, - заключил Ромеро. - Ничего больше.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Слышал, он был в Брикхейвене и попал там в какую-то передрагу, - вспомнил Аквинтес. - Только не смог выяснить, что он натворил.

- Да ты только посмотри на него, - хмуро произнёс Риггз. - Наверняка, он был там чьей-то сучкой, потом влюбился в такого же педика, а его папочка принял всё близко к сердцу. Вот и принялся за паренька.

- Да он просто слабак, - ответил Ромеро. - Думает, что если кто-то его хоть пальцем тронет, то придёт его брат и спасёт его белую задницу.

Аквинтес рахохотался.

- Чего? Вломится в Шеддок? Никогда о таком не слышал. Сбежать отсюда - да, пытались разок-другой. Но чтоб внутрь тюрьмы...

- Брикхейвен, - протянул Риггз, почёсывая не стриженный подбородок. - Я слышал о каком-то дерьме, что там случилось. И знал одного из парней, с которым это произошло. Его звали Фриц, Донни Фриц. Мерзкий кусок дерьма. Он и его сокамерник - черномазый по имени Болс... чёрт, да с ними это сделали уже после отбоя. Реальный ужас.

По тюрьмам циркулировали странные слухи. Фрица и Болса убили в собственной камере. Они выглядели, словно кто-то изрубил их бензопилой: сплошное месиво из мяса и крови. Да, и всё это после отбоя. Никто не мог найти объяснение.

- Может, хочешь нового сокамерника? - спросил Аквинтес у Ромеро. - Я могу поговорить с Бенни, и он всё уладит.

Но Ромеро покачал головой:

- Пока нет. Этот парнишка забавный, хотя и странный порой. Хочу посмотреть, что будет дальше.

У края бейсбольной площадки огромному негру по имени Реджи Уимс надоело ждать. Он направился к толпе, и все отбросы-насильники убрались с его пути.

Он подошёл к Палмквисту, схватил того за отворот рубы и подтянул к самому носу, словно хотел поцеловать. А потом отшвырнул и начал бить.

- Похоже, из твоего парнишки вышла прекрасная приманка, - равнодушно произнёс Аквинтес.

Риггз рассмеялся: ему было смешно видеть, как Уимс выбивает всю дурь из этого мелкого проныры.

Ромеро бросил сигарету, поднялся на ноги, не совсем отдавая себе отчёт в том, что делает.

- Ты какого хрена задумал? - спросил Аквинтес. - Он что, твоя сучка? Ты же знаешь, Уимс - тёртый калач. Возьми уж в таком случае заточку. Сделай всё, как следует.

Но Ромеро не нужна была заточка. И уж тем более - помощь Риггза. Байкер сказал, что он может помочь справиться с Уимсом. Но Ромеро ответил, что просто хочет посмотреть, как Палмквиста окунут в реальность.

Когда он дошёл до площадки, всё уже было кончено.

Охранники ничего не заметили. Отчасти оттого, что зеки взяли Уимса и Палмквиста в кольцо, а отчасти оттого, что они и сами всегда старались ничего не замечать.

Охранник не отложит журнал и не остановит зека, даже если начать насиловать его мать в трёх метрах от него самого. Ромеро знал, что лень, тупость и безразличие были их образом жизни.

Уимс уже возвращался к своим братьям у баскетбольных колец и не обращал внимания на Ромеро. А Ромеро не обращал внимания на Уимса.

Палмквист сидел на заднице и сплёвывал кровь и зубы в песок. Его левый глаз уже начинал заплывать, а нижняя губа была почти разорвана напополам.

- Ну что, понравилось? - подошёл к нему Ромеро, даже не собираясь подавать руку или высказывать сочувствие. - Начинай привыкать, Цыпа. Потому что, начиная с сегодняшнего дня,

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

это ждёт тебя двадцать четыре часа семь дней в неделю. Сначала они будут тебя избивать, а потом... Ты же и сам знаешь, что будет потом?

Палмквист кивнул:

- Знаю. Я уже бывал в такой ситуации.

«Наверно, какой-то зек порвал ему задницу в Брикхейвене», - подумал Ромеро. Это бы его не удивило.

- Что ж, тогда ты знаешь, во что вляпался.

Но Палмквист лишь покачал головой.

- Этот чёртов нигер уже труп, только сам ещё не знает об этом, и тут я ему уже ничем не помогу, - теперь он улыбался окровавленными губами. - Сам увидишь, Ромеро, у меня есть туз в рукаве.

- А кое-что другое скоро будет у тебя в заднице, помяни моё слово, - ответил Ромеро.

Но Палмквист ничего не ответил.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-5-

После обеда Риггз сообщил Ромеро, что с ним хочет увидеться Чёрный Пёс. Нехорошо. Если в дело вступает Чёрный Пёс, то дело пахнет керосином.

Чёрный Пёс был членом группировки «Ангелы из Ада» и одним из «Грязной Шайки», которая являлась частью «Ангелов». Именно «Шайка» могла избить, покалечить, а то и вовсе убить, если кто-то нарушает правила банды или посягает на их наркотрафик.

Он был абсолютно бесстрашен, жесток и безжалостен. Психопат с взрывным характером. С его кровавой репутацией могли сравниться немногие в пределах этих стен. Его посадили на семьдесят пять лет за заговор с целью убийства.

- И какого хрена ему надо? - спросил Ромеро.

Риггз только пожал в ответ плечами:

- Не знаю, брат. Он подошёл к нам и сказал, что хочет с тобой о чём-то перетереть.

Под «нами» Риггз имел в виду банду Монголов. За пределами тюрьмы между Ангелами и Монголами гремели постоянные войны, но здесь, в Шеддоке, они сохраняли шаткое перемирие.

Ромеро нашёл Чёрного Пса в качалке. Тот выжимал штангу, вес которой впечатал бы обычного человека в землю. Пёс закончил подход и выпрямился, стирая футболкой пот с лица.

- Ромеро, - произнёс он. - Рад, что ты пришёл. Нам нужно поговорить.

Ромеро вздохнул и закурил.

- Слушаю.

- Речь пойдёт о твоём сокамернике, - начал Чёрный Пёс. - О мальке Палмквисте. Я хочу знать, каковы твои намерения в отношении него.

- Намерения?

Чёрный Пёс кивнул:

- В Брикхейвене случилась какая-то херня. Ты, наверно, слышал. И твой малёк в этом как-то замешан. Знаешь, там был парень, Донни Фриц. И он мёртв. Кое-кто считает, что это дело рук твоего малька.

- Палмквиста? - хохотнул Ромеро. - Мы вообще говорим об одном и том же мальчишке?

- Да.

- Это не может быть он, Пёс.

- А кое-кто считает по-другому.

- Тогда этот кое-кто - тупой кусок дерьма.

- Полегче, парень, полегче.

Даже Ромеро опасался Чёрного Пса.

Пёс был два метра ростом и весил девяносто килограммов, только на нём не было ни капли жира. Всё его тело было покрыто тюремными татуировками и большинство из них, при правильном прочтении, могли рассказать о том, кем он был и откуда пришёл, о том, что он сделал, и о трупах, которые оставил за собой.

А на выпирающих накачанных бицепсах красовалась кроваво-красная свастика.

Ему лучше не переходить дорогу.

Чёрный Пёс не стал уточнять, кто эти «кое-кто». Пока не стал. Но зная его и его окружение, можно предположить, что это кто-то из итальяшек, мексиканцев, байкеров или Арийского братства. Выбирай, не хочу.

- Послушай, Пёс, - стоял на своём Ромеро, - Палмквист - слабак. Он безобиден. Он просто не мог пришить кого-то, вроде Фрица. К тому же, я слышал, что Фрица и его сокамерника порезали после отбоя. Ну, и каким хреном этот малёк может быть замешан во всём этом?

Чёрный Пёс задумался.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Ромеро сомневался, что даже после соответствующего наставления из Палмквиста выйдет путный зек. У него не хватит духу, чтобы защищаться, и это просто-напросто делало его жертвой.

Когда Ромеро только оказался в Брикхейвене и его посадили в общую камеру, к нему подошёл старик по имени Слип Ханнэвей и спросил, за что его упекли.

Ромеро ответил, что пытался угнать тачку.

- Позволь мне рассказать, как тут всё устроено, сынок, - начал Слип. - Всё, что происходит за решёткой, вертится вокруг страха и ярости. Только с этими двумя эмоциями ты столкнёшься в этой клоаке. Первобытные инстинкты превыше всего. Ты должен научиться контролировать свой страх и использовать ярость. Только так можно выжить. Если кто-то пытается тебя задеть, ответь ему стократ. Заставь этих мудаков жалеть, что они родились на свет. Металлическая труба - то, что надо. Если видишь, что кто-то к тебе подходит, бей. Приложи по голове, раскроши коленные чашечки и переломай руки. Покажи им, что у тебя бешеный и неконтролируемый нрав, и они отстанут. Большинство зеков - трусы. Они будут маячить за твоей спиной и ударят только в спину, потому что не хотят, чтобы их ударили в ответ. Лишь немногие тут способны выйти лицом к лицу. Покажи им, что такое боль. Покажи им их собственную кровь... И ты удивишься, насколько покладистыми они станут.

Это был отличный совет. Ромеро воспользовался им уже на второй день, когда какой-то старый извращенец попытался к нему подкатить.

Но Палмквист?

Нет, у него нет внутри этого стержня.

Он бы так никогда не сделал.

Жизнь за решёткой - это безразличие охранников, скученность, нечеловеческие условия и дерьмовая еда. А в камере трясёшься от холода зимой и воняешь потом летом.

Пытаешься отогнать от лица мух, от волос - вшей, а от голых пальцев во время сна - голодных крыс. И если какой-то извращенец решит с тобой поиграть - просто бьёшь.

А если кто-то из зеков пытается вогнать тебе заточку под рёбра, как только ты отвернёшься спиной, его грех не покалечить.

Вот такие правила.

Везде есть правила.

Но Палмквист никогда не сможет играть по ним.

- Послушай меня, Ромеро. Услышь то, что я скажу. Донни Фриц связался с какими-то крупными игроками. Они не приняли того, что случилось в Брикхейвене, спокойно, и теперь хотят отыгаться. Малёк пострадает, - пояснил Чёрный Пёс. - И я видел тебя сегодня. Когда Уимс пошёл к парнишке, похоже, ты собирался вмешаться. Это нехорошо. Ты претендуешь на этого малька?

- Нет.

- А вот это хорошо. Видишь ли, друзья Фрица разговаривали с Папашей Джо...

Чёрт. Папаша Джо, или Джозеф Скалатти, был арестованным наркоторговцем и членом мафии. Если он тобой заинтересовался, то нет дыры, в которой ты сможешь от него спрятаться.

У него была куча денег, многие зеки и надсмотрщики были у него подкормлены. За ним стояли не только итальяшки, но и банда байкеров, которую он держал ради грубой силы, и латиносы, господствующие над мексиканской мафией.

Ну, и если вам этого мало, то всё Арийское Братство тоже ходило под ним.

АБ были самыми жестокими и беспощадными белыми в этой тюрьме. Впервые они появились в 1960х годах во время беспорядков в Сан-Квентин, и с тех пор завоевали себе самую кровавую репутацию. В Квентине у Арийцев был приказ убивать на месте любого чёрного, которого они увидят. И они так и делали.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

За последние годы их поведение несколько смягчилось, но они всё равно оставались невероятно жестокими и опасными. В отличие от большинства тюремных банд, которые полагались на силу в количестве членов, у Арийцев было одно жёсткое правило: чтобы попасть в Братство, нужно было кого-то убить, а чтобы выйти оттуда - только умереть самому.

А часть банды за стенами тюрьмы организовывала трафик наркоты для своих заключённых братьев.

Да, байкеры и сами были ужасны, но эти - просто фанатики.

Ромеро не хотел, чтобы Палмквиста избили или того хуже... Но он не мог выйти один против всей этой мощи.

- Теперь ты знаешь, как обстоят дела, - сказал Чёрный Пёс.

- Думаю, да.

Чёрный Пёс кивнул.

- Просто хотел дать тебе совет идти своей дорогой. Папаша Джо послал по его душу Жирного Тони, а ты ведь не хочешь влезать во всё это дерьмо?

У Ромеро всё внутри сжалось.

Жирный Тони был костоломом в банде и сейчас сидел два пожизненных срока за убийство. Огромный, злобный падальщик, выросший на улицах.

Человеческий монстр, который связался с худшими отбросами этого нездорового общества ещё в детстве, только открыв глаза на маске смерти, которую он называл лицом.

Вот таким был Тони. Сто двадцать килограммов весом, а ростом переваливая за два метра. Он был рождён чудовищем. Его все терпеть не могли, но итальяшки использовали в качестве костолома.

Самой большой радостью Жирного Тони было изнасилование новичков. Чёрных, белых - не важно. Но, если у тебя в заднице была дырка, он считал своим долгом ею заняться. Он начинал с побоев, которые играли для него роль ласк, а потом уже переходил к делу.

- Значит, Папаша Джо позволит этому хренову мудаку повеселиться вдоволь?

Чёрный Пёс пожал плечами.

- Никому это не нравится, но дело есть дело. Просто бизнес. Ты же не имеешь виды на малька, так?

Ромеро на это ничего не ответил.

Он просто ушёл. Он не доверял своему языку, который мог бы что-нибудь ляпнуть, а потом Ромеро пришлось бы расхлёбывать всё дерьмо.

С Палмквистом уже было покончено. Ему не поможет никто из охранников, а уж из зеков и подавно. Никто не станет вмешиваться в дела Папаши Джонса, особенно, если в них замешан такой хищник, как Жирный Тони.

Ромеро был раздражён. Нет, взбешён. Стискивая кулаки, он задавал себе вопрос: что он собирается делать? Поведёт себя умно и отвернётся? Или прыгнет ногами вперёд прямиком в адово пламя?

Проблема была в том, что Ромеро сам не мог себе на это ответить.

Свет был выключен.

Ромеро лежал на своей койке. Думал. И пытался перестать думать. В его голове роились тысячи мыслей, и все были однозначно неприятными.

Он думал об этом пацане, Палмквисте. О том, как этому мелкому ублюдку придётся тяжело, когда Реджи Уимс и его банда разозлятся и начнут колошматить его каждый день.

Он размышлял, каково будет парню, когда его пустят по кругу, как шлюху за пять баксов в лагере. Потому что этот путь вёл именно туда. Мальку никуда не деться. Может, в Брикхейвене ему уже и пришлось такое опробовать, но здесь всё будет только хуже.

В Шеддоке всегда всё только хуже.

Ромеро и раньше это видел, и ему всегда становилось плохо. Плохо от того, как он наблюдал, что мальчишки смиряются с этим, как с каждым чёртовым днём их достоинство втаптывают в грязь, и, в конце концов, от них не остаётся ничего, кроме использованной этими животными пустой оболочки.

Пока Палмквист останется бледным, дрожащим ребёнком, слабаком, который заговорит только тогда, когда к нему обратятся, до тех пор он будет сосать член, как только какой-нибудь жирный зек щёлкнет пальцами.

Ромеро не мог в это ввязываться.

Если он станет на пути Уимса, быть беде. Это может закончиться только одним: поножовщиной. И Ромеро будет бить, пока этот кретин не истечёт кровью.

А если Ромеро так поступит, если сделает подобный выбор, то одна из шавок Уимса обязательно на него настучит. И тогда сидеть ему в Долине Шеддок ещё лет десять-двадцать.

Боже! От одной этой мысли у Ромеро перехватило дыхание, и он еле смог сделать вдох. Но смотреть, как Палмквиста...

Хотя Реджи Уимс сейчас должен быть не самой страшной проблемой для парнишки, раз папаша Джо послал за ним Жирного Тони. Даже если малёк ускользнёт от Уимса, он не сможет избавиться от этого грёбанного монстра.

Ромеро отсидел приличный срок. Но ни разу за всё это время он не трахал никого в зад и не считал это приемлемой альтернативой. Если уже было совсем худо, можно было подключить к делу руку. Но некоторым зекам нравился секс в тюрьме именно таким, каким они себе его представляли.

«Значит, ты позволишь им развлекаться с этим мальчишкой?» - заговорило в Ромеро чувство вины. А он-то думал, оно уже давно умерло.

«Зек, заключающий сделку с совестью. Ты что, позволишь им трахнуть его, разорвать ему тело и истоптать душу? Или отступишь назад, отвернёшься, и будь что будет?»

Ромеро не знал.

В последние дни он вообще мало что понимал.

Поэтому он закрыл глаза и постарался забыть о Реджи Уимсе и Жирном Тони.

Он позволил сну взять над собой верх, потому что завтра ожидается просто очередной день. Такой же, как сегодня. Такой же, какой был два года назад. И такой же, какой будет через два года.

Ничего не менялось день ото дня, когда сидишь срок за этой решёткой.

Сердце ожесточается, душа выцветает, и ты просто отворачиваешься от того, что тебя не касается.

Только так здесь можно выжить.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-7-

Ромеро проснулся, но понятия не имел, который сейчас час.

Просто поздно.

И темно.

Что-то происходило, но Ромеро не мог понять, что именно. И, тем не менее, оно было настоящим, иначе Ромеро бы не проснулся. Он лежал и прислушивался к своему дыханию и дыханию паренька на верхней койке.

Но было что-то ещё. Что-то, из-за чего у Ромеро пересохло в горле, и кожа стала натянутой. Это был странный, влажный, слизкий и мерзкий звук, словно что-то вытащили крюком из канализационной трубы.

Над его головой легонько скрипнули пружины и Палмквист шевельнулся... Только вот Ромеро чётко слышал, что дыхание его не изменилось и осталось таким же глубоким и спокойным. И что бы ни двигалось над его головой... это был не парнишка.

Ромеро не мог понять, что это, но слышал, как оно скользило поблизости с неприятным влажным звуком только отделившейся после рождения ребёнка плаценты.

Господи... Эти звуки... Какого хрена там происходит?

Ромеро понял, что не хочет этого знать, потому что чем бы это «что-то» ни было, оно отвратительно, и это не то, на что хочется смотреть.

Воздух стал горячим и влажным с противным запахом сгнившей капусты, и Ромеро крепко вцепился в край своей койки, как на американских горках, когда боишься, что машинка может в любое мгновение перевернуться.

Мерзкое чувство. У Ромеро все внутренности скрутились в тугой узел, а широко распахнутые глаза невидяще уставились в темноту. Он вспомнил о самодельном ноже за батареей... Но не рискнул даже двинуться и издать какой-нибудь звук.

Он не хотел, чтобы то, что находится над ним, услышало его.

Поэтому Ромеро лежал неподвижно, как бревно. Все его мышцы, связки и нервы были натянуты до предела, а из горла вот-вот готов был вырваться крик.

Снова шевеление.

Что бы там ни было с этим ребёнком, оно начало осторожно скользить вдоль койки, а когда добралось до стены, влажно соскользнуло вниз и двинулось вперёд в направлении решётки.

Ромеро решил, что это должно быть похоже на помесь огромного, толстого, ужасного слизня с хрен знает чем. И когда оно скользило вдоль стены, то издавало слабое стрекотание, словно по цементному полу скребли когти или зубы.

Существо медленно перетекало вперёд, затем замирало на пару секунд... словно проверяя, не слышит ли его кто-то.

Ромеро слышал. Но не двигался. Потому что одно дело слышать это, и совсем другое - увидеть... От одной мысли об этом у Ромеро подкатывала к горлу тошнота.

А потом... оно поднялось в воздух и бросилось на прутья решётки со звуком разбрызгивающихся капель. Ромеро слышал, как оно дышит и булькает.

В слабом свете от охранной вышки, проникающей в камеру, он видел, как что-то огромное и бесформенное растянулось по решётке, как гигантский резиновый паук, выгибающий бесконечные конечности во всех направлениях.

Оно вздрагивало и неспешно ритмично билось о решётку, и Ромеро зажмурился, потому что не мог больше на это смотреть. Он говорил себе, что это просто ночной кошмар, один из тех смутных ужасов, что пришли к нему из детских снов.

А потом ... оно ушло.

Оно прошло прямоком сквозь прутья со звуком упавшего на пол куска сырого мяса или помешиваемой ложкой вязкой каши.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Ромеро был весь мокрый от пота. Он дрожал и старался не обмочиться, и не дать волю крику, застрявшему в его горле. Он лежал, пытался выровнять дыхание и вытирал пот с лица.

А Палмквист над его головой спал мёртвым сном, дышал ровно и глубоко, не обращая внимания на этот мир.

Ромеро представил всё самое жуткое, что приходило ему в голову, а приходило туда много всякого дерьма, но ни в чём не было и капли здравого смысла. В конце концов, он начал задаваться вопросом, а не приснилось ли ему всё это.

И часть Ромеро вцепилась в эту спасительную мысль. Уверенный и рациональный голос в его голове говорил, что это точно был сон... А что же это ещё могло быть?!

А минут через двадцать кто-то начал громко кричать.

И эти крики... Они не продлились долго.

Естественно, вся тюрьма зашевелилась.

Иногда здесь слышны по ночам крики, когда кого-то ткнут ножом под рёбра или изнасилуют. А иногда кто-то сходит с ума от одиночества и нечеловеческих условий, и бог знает от чего ещё.

Его разум превращается в подливку для рагу, он начинается носиться по камере, бросаться на стены, вцепляться зубами в прутья решётки и вести себя, как обезумевшие мартышки на ярмарке.

На дежурстве на нижнем уровне был сержант Варрес. Он направлялся к блоку D и выглядел жутко разозлённым и готовым проломить череп любому зеку своей дубинкой, болтающейся у бедра.

Он держал в руках рацию и хотел по-быстрому разобраться, какого хрена здесь происходит.

Он сказал пару слов по рации, и остальные охранники сделали то, что им было сказано: приказали всем зекам позатыкать их грязные, вонючие рты и отправляться спать, иначе их побросают в карцер через одного.

Это сработало. В блоке D действительно стало тихо, хотя все понимали, что карцеров в этой тюрьме всего тридцать.

Административный изолятор - вот как это называлось официально. Туда отправлялись парни, которые переходили черту. А иногда и те, кто не переходил. Это было мрачное, неприятное, гнетущее место.

И если вы считаете, что вы одиноки в своей жизни, то вы просто не имеете представления, что такое настоящее одиночество. Такое понимаешь, только когда тебя закрывают во влажной темноте с кишасщими насекомыми и крысами.

Но всё же это сработало, и Варрес двинулся дальше по коридору, проигнорировав просьбу других охранников включить верхнее освещение. Он решил, что ему хватит и сенсорных фонарей.

Они были расположены каждые пятнадцать метров и светили тускло, так что коридор между ними был погружён во тьму. Но это Варреса не беспокоило, потому что пока выключатель был опущен и двери закрыты, никто не сможет выбраться из своих камер... Может быть, позже...

Он увидел Хоула. Парнишка был новеньким, и сейчас выглядел бледно-зелёным, как лягушка, мокрым от пота и почти спятившим.

К решёткам своих камер прижались все зеки. Блестели белые глаза на чёрных лицах и покрасневшие глаза на белых лицах. Варрес прошёл мимо них. Чёрт, да он в жизни не видел их такими напуганными!

Вся их крутость и жёсткость испарилась в момент, как вода в пекле.

Эти парни были сильно напуганы. Очень сильно напуганы.

Варрес подошёл к Хоулу:

- Что там у тебя?

Хоул задышался и еле-еле выдавливал слова:

- Не ходите туда, сержант... Господи, Уимс... Кажется, это Уимс... Его разорвало...

Дверь камеры была открыта, и в тусклом свете фонаря Варрес разглядел что-то мокрое и тёмное, стекающее по прутьям решётки, а под дверью стояла лужа.

Варрес резко выдохнул, повёл фонариком в сторону и чуть не заорал. Уимс напоминал мешок, чьё содержимое распотрошено и разбросано во все стороны. Его внутренности лежали на полу, были размазаны по стенам и капали с потолка.

А голова лежала на толчке, и широко распахнутые глаза тускло поблёскивали в свете фонаря.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Сокамерник Уимса, тощий чёрный паренёк по кличке Кабан, стоял на коленях на своей верхней койке, обхватив себя руками, трясся и выглядел абсолютно безумным.

На нём была кровь и ошмётки Уимса. Он дрожал, всхлипывал и бормотал что-то под нос, слышное только ему.

Всё, хватит.

- Ладно, - сказал Варрес и потянулся за рацией. - У нас тут ЧП...

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-9-

После криков Ромеро уже не смог заснуть.

Он лежал, как и остальные зеки, собранный, настороженный, затаивший дыхание, и размышлял над вещами, из-за которых по коже начинали бегать мурашки.

Его трясло, через него будто проходили разряды тока, словно кто-то засунул ему провода в задницу. Как, вероятно, и через каждого сейчас в блоке D.

Но Ромеро отличался от остальных.

Он знал больше остальных, хотя и ни хрена не понимал. Он прекрасно слышал этот высокий и долгий крик, внезапно и резко оборвавшийся, словно человеку заткнули рот чем-то мокрым.

Поэтому он лежал, пока все звуки не стали стихать, и тюрьму накрыла тяжёлая, гнетущая тишина.

И тогда он снова услышал, как что-то проползает обратно через прутья решётки. Оно пахло разогретыми, полусгнившими дрожжами. Палмквист начал стонать и метаться по койке.

А чуть позже он начал плакать во сне.

А может, это был сам Ромеро.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-10-

На следующий день все только об этом и говорили.

Не важно, с кем и где ты стоял, тема разговора оставалась неизменной.

По тюрьме начали ходить ужасные, невероятные слухи, и в этой тесной, угрюмой атмосфере истории, как болезнетворные микробы, начинали заражать всех, кто их слушал.

Некоторые байки были насквозь пропитаны чёрным юмором, а некоторые - скорее напоминали ужастики, которыми пугают тёмной ночью у костра. Но слухи продолжали ходить: от плотницкой мастерской через цех для изготовления матрасов в библиотеку, а оттуда в гараж, где зеки штамповали номерные знаки.

Забавно, но все эти банды и группировки, которые ненавидели друг друга лютой смертью, внезапно успокоились. Похоже, они поняли, что все находятся в одной лодке, и то, что случилось с Реджи Уимсом, может произойти с любым из них.

Иногда общий враг, либо общий страх делал с местами, вроде Долины Шеддок, чудеса.

Ромеро сидел во дворе со своей обычной компанией - Риггз, Аквинтес, несколько латиносов и белых, которые уже давно мотают срок. Они обсуждали произошедшее дерьмо и пытались, по мере возможности, отделить факты от вымыслов.

Но разговоры продолжали кружить, как стервятники над раздавленным на дороге животным: то, что случилось с Уимсом, было очень похоже на произошедшее с зеками в Брикхейвене.

И это заставляло парней задумываться; искать какие-то связи, даже когда их, возможно, и не было.

К группе Ромеро присоединился хитрый бородатый негр в вязаной шапке, которого все звали Ключом из-за острого римского носа.

Ключ сидел пожизненное за убийство жены и её любовника под действием кокса. Пожизненное без права на условно-досрочное. Ключ сидел в камере напротив Реджи Уимса, поэтому люди прислушивались, что он расскажет.

- Я услышал этот крик... чёрт, да... Как вы могли его не слышать? Уимс... Этот чёртов ублюдок верещал так, словно кто-то отрывает ему яйца. Никогда не слышал, чтобы люди так орали.

Бикс вытащил сигарету, наблюдая, как в другом конце двора пара зеков играет на площадке.

- Уимс, мать его... Вы же знаете эту огромную уродливую гориллу. Он, наверно, и мясо-то ел сырым... Я сперва решил, что в его камере кто-то есть, и кто-то добрался до него. Но, чёрт, вы же знаете этого ублюдка, никто не хотел связываться с этой чёрной задницей.

- Что ты видел? - поинтересовался Аквинтес.

- Было темно, но я слышал что-то мокрое и скользкое... Понятия не имею, что за хрень это была... Она свистела или шипела... Я это услышал и сразу подумал: «Чёрт, какого хрена там творится?» А потом Уимс заорал. Не знаю, парни, что это за хреново шаманство...

А он был не так уж и далёк от истины.

В тюрьме убийства были привычным делом. Парней то и дело резали, проламывали трубами череп, сбрасывали с высоты или травили еду.

Иногда появлялось что-то более оригинальное, вроде электрического стула или так называемого «барбекю в подвале»: зека запирали в камере, обливали его и всё помещение бензином, а потом бросали вниз спичку.

Но для группы криминалистов, которая отправилась в семнадцатую камеру - камеру Уимса - открылось зрелище отталкивающее, даже для тюрьмы.

Даже не просто отталкивающее - мерзкое, сумасшедшее и необъяснимое. Хоул - охранник, который первым нашёл Уимса, рассказывал, что тот был разорван на части и обезображен. Но это было ещё мягко сказано.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Он был растерзан, выпотрошен, а внутренности были развешаны по камере, как серпантин на детском утреннике.

Позвоночник был фактически вырван, голова отрублена, но сперва у Уимса оторвали член и так глубоко запихнули в глотку, что патологоанатому пришлось вскрывать пищевод, чтобы его извлечь.

И это ещё было не всё.

Кроме крови и вытащенных наружу органов, часть костей Уимса были вырваны прямо сквозь кожу и испещрены следами зубов.

И рядом со всем этим сидел Кабан, сокамерник Уимса.

На него пришлось надеть смирительную рубашку и уколоть целую ампулу хлорпромазина, потому что он всё время трясся, стонал и хныкал, неся какой-то бред про «монстров» и «существ, которые выглядят, как люди без костей».

Утром он был доставлен в городскую больницу для интенсивной психотерапии.

- Всё, что я знаю, парни, - говорил им Ключ, - так это то, что это что-то пробралось внутрь. И я не хочу об этом даже думать. Чем бы это ни было, и чего бы оно ни хотело, Уимса пришлось забирать в нескольких мешках, а потом тщательно отмывать от его остатков пол.

Ромеро слушал и ничего не говорил.

Но усиленно думал.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-11-

- Ромеро сидел на пустых трибунах напротив футбольного поля, когда к нему подошёл Аквинтес.

- Эй, вот и ты, брат. Я тебя искал.

- Похоже, меня многие ищут.

- Ага, слышал, - кивнул Аквинтес. - Ходят слухи, что Чёрный Пёс предупредил тебя насчёт Палмквиста.

- Наверно, хочет оставить его для Жирного Тони. Предупреждал, чтобы я не вмешивался и не сделал какую-нибудь глупость - например, помог пареньку.

Ромеро пересказал Аквинтесу свой разговор с Чёрным Псом, хотя Аквинтес уже и сам о многом догадался: внутри этих стен ничего не менялось, и из года в год зеки играли по одним и тем же правилам.

Аквинтес вытащил самокрутку с травкой, закусил конец и сплюнул.

- Ладно, брат. Я хочу, чтобы ты меня выслушал и услышал. Ты не можешь выступить против этих людей. Ты не можешь броситься один на свору животных, вроде Чёрного пса, его байкеров, Арийцев и Папаши Джо. Да они с тебя на хрен кожу сдерут!

- Я знаю, ДжоДжо.

- Тогда к чему вообще весь этот разговор? - спросил Аквинтес. - Почему я вижу в твоих глазах готовность пойти на самоубийство? Почему я начинаю думать, что ты достаточно безумен, чтобы попытаться защитить этого малька и поплатиться за это своей собственной задницей?

Но Ромеро не собирался, да и не мог ответить на этот вопрос. Наверно, он и сам ещё толком не знал.

В этой тюрьме в течение многих лет впроголодь он научился плыть по течению, ни о чём не заботиться и ничем не интересоваться, просто сидеть в камере и закрывать глаза на то, что не касается его лично... А теперь вот это.

Сейчас что-то, чего он и сам понять не мог, разбудило его совесть, и Ромеро не мог её контролировать. И эта совесть говорила ему, что он должен помочь мальку, невзирая на последствия.

Совесть не станет прислушиваться к голосу разума.

Совесть не бывает расчётливой.

Она отрицает безразличие в любом его проявлении.

- Вот твой мальчонка, - сказал Аквинтес, указывая на бредущего вдоль изгороди и пытающегося слиться с окружающей местностью Палмквиста. - Вот твой малёк.

- Он не мой, - отрезал Ромеро.

Аквинтес выдохнул дым через нос и усмехнулся.

- Ага, только вот тебе неприятно даже думать о его судьбе, да? Что-то внутри тебя - возможно, именно та часть, благодаря которой я тебя люблю и уважаю - хочет защитить этого ребёнка и порвать любого подонка, который за ним придёт. Но нужно смотреть на вещи трезво, друг мой. Если Папаша Джо говорит держаться в стороне, лучше держаться в стороне. А если станешь у него на пути... плохо, очень плохо. За тебя возьмутся не только люди Чёрного Пса или Арийцы, или приспешники Папаши Джо - он бросит клич, назначит сумму, и за твоей задницей будут гоняться все зеки. Ты не сможешь сразиться со всеми.

- Не смогу.

- Но ты об этом думаешь...

Ромеро не стал отрицать. Не мог.

Часть него жутко хотела заступиться за Палмквиста, когда все эти животные потянут к нему свои грязные лапы... Но вторая часть желала убраться от малька как можно дальше.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Потому что он не мог ни думать постоянно об одном и том же - Уимс сунулся к мальчишке, и теперь Уимс мёртв.

Что-то произошло прошлой ночью. Что-то произошло, когда Палмквист спал. И Ромеро мог хоть сотню раз говорить себе, что ему всё приснилось, но он в это ни хрена не верил.

Он продолжал думать о Палмквисте и о том, что тот рассказывал про брата. Бред сумасшедшего. Бессмыслица. Но Ромеро не мог перестать об этом думать.

«Мой брат... Деймон... Он не такой, как мы; он отличается от нас».

А, чепуха! Этот чёртов малёк наверняка просто с головой не дружит! Его изнасиловали в Брикхейвене, и теперь он потерял связь с реальностью, пребывая в каком-то мире грёз. Иначе и быть не может.

- Но что-то же достало Уимса, - пробормотал Ромеро себе под нос, но Аквинтес его расслышал.

- Вот это правда, брат.

- Вокруг Палмквиста продолжают появляться трупы. Запертые в своих камерах зеки. Зеки, которые тем или иным образом зацепили мальчонку.

Ромеро потряхнул головой.

- Я размышляю вслух, как какой-то псих.

- Ты не говоришь ничего, о чём бы я не думал сам, брат, - произнёс Аквинтес, поднялся на ноги и затушил сигарету. - Может, и вправду, мальчишка что-то делает? Может, у него есть ангел-хранитель? Жирному Тони стоит над этим задуматься.

Ромеро смотрел ему вслед и размышлял о том же.

Проблема была в том, что парни вроде Жирного Тони не думали. Они действовали. Реагировали. Как тупые животные.

Если голодны - ели. Если устали - спали. Если их загнать в угол, они выцарапают глаза. А если им в голову ударяют гормоны, они...

- Эй, Ромеро, - окликнул его один из охранников, помахивая дубинкой. - Рядом с тобой на земле окурки. Убери. Не загрязняй мой грёбаный двор.

- Да, начальник, - ответил Ромеро.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-12-

Тем вечером в комнате отдыха в блоке С растлитель малолетних по имени Нил Гивенс сидел и читал Библию, пытаясь выяснить, как заставить бога простить мужчине насилие над одним из его агнцев.

- Я понял, - тихо произнёс Гивенс, - мы приходим в этот мир несовершенными и поэтому грешим.

Тощий чернокожий паренёк Скив кивнул, не отрывая взгляда от журнала:

- Как скажешь.

Каждый день в Долине Шэддок был для Гивенса одинаковым.

Он по несколько часов сидел и молился, не замечаемый входящими и выходящими зеками. Вот и сегодня ему везло.

Никто из обычных бандитов не цеплял его, не замечал и не оскорблял. Никто.

Словно он был невидим.

Не существовал.

И Гивенса это полностью устраивало.

Он не отрицал того, что совершил.

Большинство ночей он лежал в темноте и в подробностях вспоминал произошедшее. Никто не знал: он раскаивался или ему нравилось вновь и вновь ощущать удовольствие от преступления. Никто не знал. А Гивенс не рассказывал.

Всё, чего он хотел, это отсидеть свой срок, не вляпаться в неприятности и снова выйти на свободу... Хотя по законам штата это случиться ох как нескоро. Если вообще случится.

- Помолишься со мной? - поинтересовался Гивенс.

- Не, не буду, - ответил Скив.

Скив сидел за приставание к нескольким американским мальчишкам во время преподавания в школе.

Гивенс чувствовал над ним своё превосходство, потому что его жертвы были женщинами. А Скив, в свою очередь, считал себя в тысячу раз выше Гивенса, потому что его жертвы, по крайней мере, остались живы; он не похитил маленькую девочку, не изнасиловал её жестоко, а потом не закопал в ближайшем подлеске.

Может, Скив и напугал до смерти нескольких мальцов, но... Эй, он же никого не убил!

Он оба поглядывали на ещё одного человека в комнате. Палмквиста. Забавный паренёк.

Он не пытался сойтись с кем-то из других зеков или зависнуть с такими же неудачниками.

Он полностью уходил в себя, и, если с ним кто-то начинал говорить, Палмквист едва ли замечал его присутствие.

Гивенс попытался заставить его читать Священное Писание, но Палмквисту это было неинтересно.

Когда в комнату вошёл зек по имени Поппи, Гивенс, и Скив напряглись.

Поппи был простым парнишкой с угреватой кожей, кривыми зубами и бесцветно-серыми глазами, которые постоянно выискивали во дворе новую рыбёшку, с которой можно поразвлечься.

Он был из тех зеков, что моментально бросятся наутёк, если к ним направятся парни вроде Ромеро, Чёрного Пса или Риггза. Он не хотел узнавать, что такое боль; он хотел сам её причинять.

Палмквист равнодушно смотрел перед собой.

Гивенс и Скив бросили быстрый взгляд на Поппи и вернулись к чтению.

Поппи это понравилось, он счёл это забавным. Словно если они его проигнорируют, он свалит. Ага, держите карман шире.

- Похоже, здесь собрание насильников, - произнёс Поппи. - Куда ни кинь взгляд, везде одни педики и извращенцы. Я чувствую себя ребёнком в магазине сладостей.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Он улыбнулся, обнажая жёлтые зубы, а потом пронзительно захихикал, и от этого смеха мурашки пошли по коже.

- Раз, два, три, четыре, пять -
негра я иду искать...

Он подошёл к Скиву, упёрся ладонями в подлокотники его кресла и навис над ним, так близко, что Скив явно слышал вонь изо рта Поппи.

- Моя дражайшая мамочка всегда говорила мне, чтобы я мог за себя постоять. Но тебе повезло...

Его губы двигались всего в паре сантиметров от лица Скива. Скив выронил журнал, сильно дрожа.

- Слышал? Тебе повезло! - повторил Поппи. - Сходи к автомату с конфетами. Принеси парочку батончиков, понял?

Скив кивнул, но него так сильно дрожали руки, что он выронил все деньги. Он знал, что сейчас произойдет. С ним тоже такое произошло в первый день в Долине Шеддок.

И с Гивенсом такое случалось. И не раз. Наверно, пришёл черёд Палмквиста.

«Спасибо, Господи, что на этот раз не моя очередь. Спасибо, Господи...»

В комнату вошёл Жирный Тони, заполняя собой полностью дверной проём и ковыряя зубочисткой в зубах. Тони был таким огромным, что ему приходилось нагибаться, чтобы не ударяться о косяк, и поворачиваться боком, чтобы пролезть в дверь.

Его голова была размером со шлакоблок, на макушке - короткий «ёжик», а всё лицо испещрено шрамами от порезов и оспинами, настолько глубокими и большими, что в них можно было погрузить подушечку пальца.

Шеи у него не было вообще. Массивная голова покоилась сразу на широченных плечах, которые по размеру не уступали стоящим в линию двоим крепким мужчинам.

Он стоял в проёме двери в безразмерном оранжевом комбинезоне и мертвенным взглядом оценивал пополнение своего гарема. Ни у кого не было сомнений, что он именно так видит своих жертв.

Все они были его сучками, которых он будет трахать, когда ему заблагорассудится, и лучше никому не вставать у него на пути.

«Любой насильник, входящий в эти ворота - мой, - сказал он как-то Поппи. - Я его сломаю, трахну, займусь воспитанием, а потом могу продать».

Тони увидел дрожащего в углу Скива и направился прямо к нему.

- Прошу вас, мистер Тони, я...

Жирный Тони резко ударил его открытой ладонью по щеке, оставляя на коричневой коже парня горящий след. Скив упал на колени, рыдая и вспоминая - о, как ясно он сейчас помнил, как те мальчишки точно так же рыдали в углу!

- Поднимайся, черномазый, - произнёс Тони. Его глаза поблёскивали, как грязные медяки. Тони усмехнулся, и у него на зубах блеснула кровь - он зубочисткой расцарапал себе дёсны, но, похоже, даже не заметил этого. - Давай батончики.

Скив поднялся, протянул Тони шоколадные батончики, и тот аккуратно, почти нежно, развернул обёртку.

Жирный Тони засунул оба батончика себе в рот один за другим, сминая их в однородную массу из шоколада и карамели, и начал медленно жевать. Всё это время он не сводил взгляда со Скива.

Проглотив батончики, он схватил Скива за грудки и подтянул близко-близко, проводя испачканным в шоколаде языком по его лицу. Скив затрясся так, что у парнишки застучали зубы, под ногами растеклась лужа.

Тони отшвырнул его в сторону.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Затем перевёл взгляд на Гивенса, тот попытался дёрнуться и сбежать, но Поппи обхватил его сзади и прижал к дивану.

- Ты - тот, кто изнасиловал маленькую девочку и потом её задушил, - произнёс Тони. - О, мне понравилась твоя милая задница. Но твоя очередь пока не пришла. Дамы, валите отсюда.

Поппи усмехнулся.

Гивенс всхлипнул.

- Убирайтесь отсюда на хрен, - повторил Жирный Тони. - И прикройте за собой дверь. А если скрысятничаєте - я буду драть вас каждый день целый месяц!

Скив и Гивенс выскочили за дверь, захлопнув её за собой с громким стуком.

Жирный Тони повернулся к Палмквисту, который мёртвыми глазами смотрел на толстяка. В этих глазах не было страха. Если честно, там вообще не было ни одной эмоции.

Тони усмехнулся. А вот и он. Папаша Джо хотел, чтобы именно этот пацанчик немного пострадал. О, Боже, какое это будет удовольствие! О, да!

- Ну что, Палмквист. А я тебя искал. Пришло время кое-чему научиться. Туши свет, ублюдок, туши свет...

Палмквист уставился на своего мучителя. Поведение Тони его несколько не удивляло.

Он ждал, как ждал до этого в Брикхейвене. Его глаза поблёскивали в полумраке, как зеркала, а на дне них плескалась чернота, как жидкая грязь на дне колодца. Палмквист молча смотрел на обоих мужчин.

- Вы уверены, что хотите этого? - моргнув, спросил у них Денни.

Поппи зашёлся смехом.

Он слышал, как многие неудачники молили чепуху, перед тем как Тони их имел, но этот парень побил все рекорды, и Поппи всё ржал и не мог остановиться.

- Во-первых, - начал Тони, - я люблю, когда мои сучки меня поумоляют чуть-чуть в начале, так что включайся в процесс, и тогда тебе будет не так больно.

- Ты совершаешь огромную ошибку, - произнёс Палмквист.

Но у Жирного Тони были другие мысли на этот счёт.

Двигался он быстро для такой громадной туши.

Палмквист только успел произнести свои слова, как Тони уже схватил его ручищами, приподнял над полом и грубо поцеловал мальчишку, всунув тому язык в рот.

Никакой романтики. Лишь животное, смакующую свою будущую пищу. Ничего более.

И тут открылась дверь, и внутрь ворвался Ромеро.

- Эй! - крикнул Поппи, но Ромеро двинул ему дважды, один ударом сломав нос и превратив лицо в кровавое месиво, а вторым - уложив Поппи на пол.

Затем Ромеро схватил Поппи за длинные сальные волосы и пнул в живот.

Парень инстинктивно сжался в комок, и тогда Ромеро изо всех сил приложил его локтем по загривку. У Поппи закатились глаза, и он рухнул на землю.

Жирный Тони отшвырнул Палмквиста в сторону.

- Чёртов латинос, - прошипел он. - Вы, грёбанные латиносы, хуже нигеров.

Он двинулся на Ромеро, и тот прыгнул вперёд. Каждая частичка ярости, разочарования и лишений в этой жизни, которая ядом кипела в нём до сего момента, выплеснулась наружу.

Ромеро опередил Тони и нанёс ему три молниеносных удара по лицу, которые тот, похоже, даже не заметил. Он дотянулся до Ромеро и сжал его железной хваткой.

Ромеро ткнул Жирного Тони пальцами в глаза, и Тони ответил ударом головы, который сразу отправил бы человека, габаритами меньше Ромеро, в отключку.

Палмквист, мать его, попытался вмешаться, и Тони отбросил его одним ударом руки, как поваленное деревце.

Ромеро выпрямился, вытирая с лица кровь. Он понимал, на что идёт - на животное, вроде Жирного Тони нельзя идти без свинцовой трубы или биты в руках.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Тони снова бросился на него, но Ромеро поднырнул под его руку и дважды ударил по корпусу, а затем приложил толстяка коленом в пах.

Тони зарычал, как гризли, которого стегнули ремнём, но не более того.

Он ударил Ромеро и повалил его на пол.

И прежде чем Ромеро смог справиться со звоном в голове, Тони приподнял его и швырнул метра на три вперёд. Ромеро шмякнулся об стену.

Когда он снова открыл глаза, в комнате уже было пятеро охранников, избивавших Жирного Тони дубинками.

Когда Тони увели в карцер, где ему предстояло отсидеть ближайший месяц, сержант Варрес помог Ромеро подняться на ноги.

- Всё начал тот жирный кусок дерьма, - произнёс Палмквист.

- Я знаю, сынок. Зачинщик всегда он.

Варрес придерживал Ромеро, пока тот сам не смог стоять на ногах.

- Наверно, это самая самоотверженная попытка самоубийства, что я когда-либо видел, Ромеро. Точно. Ладно, давай отведу в больничку, там тебя подлатают.

Когда Ромеро уводили из комнаты отдыха, у входа толкались зеки; всем хотелось знать, что здесь произошло.

А Ромеро терзал только один вопрос: он только что подписал себе приговор от Папаши Джо, или что-то гораздо более опасное уже подписало приговор для Жирного Тони?

Ночь.

Административный изолятор.

Дежурил Йоргенсен, потому что Хоул был на больничном.

Пареньку до сих пор нездоровилось, после того как он увидел, что осталось от Уимса. А вот Йоргенсен... Он уже шестнадцать лет оттрубил в этих мрачных, могильных подвалах Долины Шеддок.

Не то чтобы ему это нравилось. У них было тридцать одиночных камер, и из них семь были заняты. А теперь добавился ещё и Жирный Тони.

Йоргенсен считал, что начальник Линнард должен был держать Тони в карцере постоянно. Он был настоящим животным и заслуживал только клетку.

«А будь моя воля - и не просто клетку», - подумал Йоргенсен.

Он сидел за небольшим столом, на коленях лежал позабытый вестерн в мягкой обложке. Йоргенсен смотрел в противоположный конец коридора, где стальная дверь скрывала всех плохих парней и не давала им уйти из их личного ада.

Сегодня ночью было тихо.

Иногда были ночи, когда все придурки активизировались.

Одни начинали кричать от поехавшей крыши, а остальные подхватывали эти вопли, как мартышки в зоопарке. У Йоргенсена не было для этого подходящего настроения.

Если кто-то из них начнёт такое и сегодня, то им придётся об этом крупно пожалеть.

Йоргенсен забросил ноги на стол и прикрыл глаза.

Он знал, что всё равно не уснёт: в подвале было зябко и сыро, и холод пробирался под одежду.

Если ему приходилось дежурить по карцеру в молодые годы, то он даже начинал приседать, чтобы согреться. Может, сейчас Йоргенсен уже и не сможет сделать столько приседаний, но он остаётся тренированным и крепким.

Работая с отбросами общества шестнадцать лет, ничего другого не остаётся, кроме как держать себя в форме.

Он вспомнил про этого чёртового Хоула и начал злиться... но потом мысли перескочили на Реджи Уимса, и Йоргенсена зазнобило пуще прежнего.

Уимс. В запертой камере. Похоже на ту хренотень в Брикхейвене...

А это ещё что такое?

Йоргенсен услышал какой-то шум в дальнем конце коридора со стороны камеры, и чем сильнее он над этим задумывался, тем больше услышанный звук напоминал ему влажное чавканье.

Ожидая неприятностей, Йоргенсен направился к камерам. В нём нарастало напряжение, а вслед за ним - и нечто, похожее на страх.

В коридоре было тихо.

В камерах было тихо.

Ни откуда не доносилось ни звука.

Наверно, это трубы. Здесь, в Долине Шеддок, трубы всегда потрескивали и пощёлкивали из-за колебаний давления пара.

Йоргенсен останавливался перед каждой камерой и прислушивался. Тишина. Полная тишина. Только несколько человек похрапывает по ту сторону железной двери.

Отлично. Прекрасно. Пусть так всю ночь и будет.

Но полностью Йоргенсен не смог успокоиться.

Что-то было не так. За шестнадцать лет работы офицером в исправительном учреждении у него выработалось особое чутьё на то, когда всё идёт хорошо, когда идёт плохо и когда определённо что-то не так.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Он остановился у третьей камеры, где сидел Жирный Тони, хотя уже и прислушивался к происходящему за ней пару минут назад.

Тишина. Но у Йоргенсена было стойкое ощущение, что кто-то стоит за дверью, сдерживая дыхание и делая всё возможное, чтобы его не услышали.

«Бред. Я схожу с ума.

Или нет... Там что-то есть».

Он приложил ухо к двери и услышал слабый звук падающей воды. Словно что-то капало с потолка.

Звук удара. Ещё один.

Снова шуршание, несколько влажных шлепков по мокрому бетонному полу, а потом булькающий звук, словно у Тони что-то застряло в горле.

Этими звуками можно было объяснить всё, что угодно, но для Йоргенсена это было абсолютно неестественные звуки.

Страх перестал смутно тревожить и нарастать; он стал реальным и ощутимым.

Он тёмной рекой накатывал на Йоргенсена, накрывал с головой, проносился по позвоночнику, проникал под кожу и клубился бурлящей массой в животе.

А теперь появились скрежещущие звуки... Словно по стене скребут ногтями. Или когтями.

Затем лёгкий шорох простыней.

Йоргенсен решил, что сходит с ума. Шестнадцать лет вот такого дерьма - но подобное случается впервые. Он слышал рассказы о том, как зеки сходят с ума в одиночках. Но ведь не охранники. Не охранники...

Он потянулся к замку, который открывал дверь пропускника, но руки его не слушались и сильно дрожали. А затем он услышал пронзительный, неземной вопль.

В обволакивающей тишине своей камеры громко и мучительно кричал Жирный Тони.

- Эй! Помогите мне! Помогите! Снимите это с меня! Снимите с меня эту хрень!...

Йоргенсен отшатнулся и упал на задницу.

Страх растекался по венам, сжимая всё внутри.

Йоргенсен через силу сделал вдох. Это было нерационально, всепоглощающе. Его всего трясло, а рубашка давно стала мокрой от пота.

Коридор вокруг него был узким, тесным и пустынным. Йоргенсен чувствовал, как стены давят на него, не давая подняться с пола.

Теперь в камере номер три было далеко не тихо.

Оттуда доносились звуки развернувшейся битвы, хотя Йоргенсен скорее сказал бы, что это больше напоминает бойню.

Он сидел на полу, а в других камерах начинали рыдать и кричать другие зеки. Если на то пошло, Йоргенсен и сам никогда ещё не чувствовал такую беспомощность и отчаяние.

Его трясло, сердце колотилось как бешеное, а мочевого пузырь готов был вот-вот лопнуть.

Внутри третьей камеры кричал Жирный Тони. Наверно, так же кричали и все его жертвы. Хотя нет... Он кричал гораздо хуже. Гораздо.

Но вскоре крики стали стихать. Что бы там не находилось в камере Тони, по звукам оно напоминало клубок скользких змей, извивающихся на полу и ползающих по стенам, и этот клубок расправлялся сейчас с Жирным Тони - вселяющим во всех ужас главным мудаком Долины Шеддок.

Чем бы это ни было, оно выло и кричало - смесь чисто животной ярости и жуткого человеческого безумия, доведённые почти до ультразвукового визга.

Йоргенсен, в конце концов, вспомнил, что он охранник. Он потянулся за висящей на поясе рацией. Уронил её. Поднял. И снова уронил.

Когда он всё-таки смог удержать рацию в руках, оказалось, что его пальцы дрожат и абсолютно не слушаются; он даже не мог нажать на кнопку, чтобы связаться с коллегой.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

И в этот момент что-то начало бить в дверь камеры с обратной стороны с силой несущегося поезда, чуть не вынося дверную коробку из стен.

Чем бы это ни было, оно с каждым новым ударом оставляло на железной двери вмятины толщиной не менее пяти сантиметров.

Бам, бам, бам.

Оно билось и билось, как артиллерийские снаряды, и вмятины на двери становились всё глубже и шире; но самым пугающим было то, что удары были ... влажными. Вскоре со стен начала обваливаться штукатурка, в воздух поднималась бетонная пыль, а из-под двери начала течь яркая, поразительно алая кровь.

И тогда Йоргенсен сорвался с места, крича что-то на бегу в рацию. Его голос стал высоким, почти женским. Голос человека, объятых первобытным ужасом.

Начальник тюрьмы Линнард своими глазами увидел, что случилось в третьей камере изолятора, и описывал это своей жене так: «кто-то выпотрошил Жирного Тони и расписал стены его внутренностями». После этого он запретил любые разговоры о произошедшем, чтобы сидящие за решёткой засранцы ничего не узнали.

Но в тюрьме максимально строгого режима, где слухи расползались моментально, это было практически невозможно.

Поэтому, решив, что он больше похож на маленького мальчика, пытающегося заткнуть трубу пальцем, Линнард отправился обратно в офис, выпил бутылку «Джека Дениэлса» и позвонил в Управление исправительных учреждений, где ему вставили по первое число.

Как Линнард и думал, к полудню следующего дня все уже были в курсе.

- Ты же уже слышал про Тони, - сказал Аквинтес Ромеро, не сомневаясь, что внутри этих стен об этом слышали уже все.

- А кто нет?

Всё ещё окончательно не придя в себя после стычки с Жирным Тони, Ромеро внимательно осматривал двор, пытаясь понять, откуда будет нанесён следующий удар, и кто придёт за ним следующий.

Но всё дело было в том, что он ничего не замечал. Арийцы и байкеры не обращали на него никакого внимания. Латиносы стояли у стены и игнорировали Ромеро. Черномазые собрались небольшими кучками и занимались своими делами.

«Меня предупредил Чёрный Пёс, чтобы я залёг на дно и не высывался, а я проигнорировал его предупреждения, - думал Ромеро. - Папаша Джо уже должен был снарядить своих психов для охоты за мной... Но я не вижу ничего подобного».

Хотя тут сложно было понять.

Когда долго тянешь лямку в тюрьме максимально строгого режима, учишься доверять не своим глазам, а своему чутью.

Начинаешь ощущать, когда приближается опасность. Чувствовать спинным мозгом. Но сегодня Ромеро ничего подобного не чувствовал.

- Так что, ничего не будет? - вслух произнёс Ромеро, даже не отдавая себе в этом отчёт.

- О чём ты, брат?

Ромеро сказал, что ожидал, что за ним теперь будут гоняться все, кому не лень, но он ничего не чувствовал, и видел и того меньше.

- У них сейчас другие проблемы, брат. Сначала Уимс, теперь Тони... Может, эти парни и не слишком умны, но даже им хватает мозгов найти связь между Палмквистом и этими жуткими смертями. Из-за твоего мальчика всех этих мудаков с пожизненным мучают кошмары по ночам.

Ромеро знал, что то, что было в этом мальчишке, вышло на охоту и вчера. И больше он уже не пытался себя убедить, что всё это ему приснилось.

Но сам он этого не видел прошлой ночью, потому что лежал в больничке на седативах после того, как доктор наложил швы на разорванное после драки с Жирным Тони лицо.

Поэтому его не мучили кошмары или жуткая реальность.

Но он знал, как всё произошло. Парнишка заснул и тогда...

Аквинтес убедил Ромеро, что у него повсюду есть уши, но никто из них не слышал, чтобы Папаша Джо сулил деньги за одного конкретного зека по имени Ромеро, который решил сыграть не по правилам.

- Это пока.

- Брат, я же уже тебе говорил: у них сейчас есть другие проблемы. К тому же, ты в этой тюрьме уже легенда. Пойти на Жирного-мать-его-Тони с голыми руками! Для этого нужны яйца. Железные яйца.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Ага, или отсутствие любого здравого смысла, Джоджо, - пробурчал Ромеро, прикасаясь пальцами к синякам и повязкам на лице.

Жирный Тони был куском дерьма, и теперь с ним покончено. Не о чем больше говорить.

Ромеро не было жалко эту скотину. Тони всегда был мерзким червяком, которого давно стоило уже растоптать. И кто это сделал?

Палмквист.

Или нечто внутри него.

Господи, тут можно просто свихнуться!

Ромеро снова окинул взглядом двор. Никто не обращал на него внимания. Но, положив руку на сердце, Ромеро переживал не за себя, а за малька. За этого чёртового Палмквиста.

Он беспокоился, что кто-нибудь из зеков сбрендит от страха и начнёт вести себя как животное, которым, по сути, и является. И убьёт парнишку.

Вот что беспокоило Ромеро.

- Не знаю, что тут происходит, брат, но мне кажется, что если они оставят паренька в покое, то всё будет в порядке.

- Да, друг мой, - кивнул Аквинтес, - после такого эти ублюдки должны быть совсем тупыми, чтобы начать подкатывать к твоему мальчонке.

Но жизнь в тюрьме - это жизнь в тюрьме, поэтому прошло совсем немного времени, прежде чем зеки снова начали мутить всякое дерьмо, и несло от него так же мерзко, как и прежде.

Через пять дней после смерти Жирного Тони Палмквиста отправили на работу на кухне вместе с Ромеро и ещё парочкой зеков.

Денни отлично справлялся со своей работой и делал всё, что говорил повар - помешивал в котле густую, жирную мясную подливку огромной деревянной ложкой.

Повар сказал, что помешивать её надо постоянно, а то подливка загустеет до такой степени, что её будет невозможно разлить зекам по тарелкам.

И Палмквист мешал. А двое чёрных парней - сокамерники Хеслип и Бургон - взбивали на гигантском миксере картофель в пюре. Они над чем-то посмеивались, и по этим смешкам и бросаемым на Палмквиста косым взглядам, Ромеро понимал, что ничем хорошим это не обернётся.

Палмквист их слышал, но просто игнорировал всё, что они говорили.

Ромеро забросил в котёл перезрелую стручковую фасоль и прислушался к разговору.

- Чёрт, старик, ты меня не так понял, - говорил Хеслип, выглядывая по-идиотски в белом халате и сеточке на волосах. - Я лишь сказал, что когда впервые увидел эту сучку, мне захотелось трахнуть его в зад.

Бургон дёрнул головой.

- Ещё раз скажешь при мне такое, debil... Даже не думай, этот мальчонка мой. Тебе придётся отступить, а я возьму своё по праву. Конечно, если захочешь, сможешь наблюдать, но парень мой.

Господи, они говорили о Палмквисте.

Ромеро весь подобрался от этой мысли.

Он думал, что это не его проблемы, но с тех пор, как он впрягся за малька перед Жирным Тони, он сам сделал Палмквиста своей проблемой.

Его старик всегда говорил Ромеро, что он не самый умный. Но Ромеро был достаточно умён, чтобы сложить два плюс два: Уимс зацепил паренька, и теперь Уимс мёртв. Как и Жирный Тони.

Аквинтес сказал, что эти ублюдки должны быть совсем тупыми, чтобы начать подкатывать к мальчонке. И вот они - двое идиотов во плоти, ищущие смерти.

Может, вывод о том, что если они продолжат в том же духе, то с ними что-то обязательно случится, и показался бы кому-то поспешным, но не Ромеро.

- Чёрт, я готов поторговаться, - заявил Хеслип, сливая очередную порцию протёртой картошки в чан. - Я дам тебе два блока «Мальборо», а ты позволишь мне первому насладиться этим белым засранцем.

- Ты чё, охренел, мудака? Два блока? Я на это не клюну. Если не предложишь приличное курево, можешь забыть о его заднице.

- Чёрт, ладно. Я знаю одного белого со связями... Как насчёт бутылки «Джека Дэниэлса» и пары блоков первокласного курева? Что твоя чёрная задница ответит на такое предложение?

- Чёрт. Если накинешь ещё два блока, можешь трахать его любыми способами аж до воскресенья.

- Я не собираюсь его трахать, - произнёс Хеслип таким тоном, словно подобная идея звучала оскорбительно для такого благовоспитанного парня, как он. - Я буду торговать его задницей.

«Господи, - подумал Ромеро, - да они предлагают цену за этого ребёнка, как на аукционе».

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Это ли не свидетельство окончательного обесчеловечивания в Долине Шеддок? Да ещё и обсуждать это всё прямо перед парнишкой! Он для них - обычный товар!

Но таковыми уж были Хеслип и Бургон. Они устраивали свою жизнь. Им было нечего терять. Глубоко в них уже укоренилась привычка бросаться на любого новичка, проходящего через ворота тюрьмы.

Они набросятся на него, научат уму-разуму, а потом продадут во дворе тому, кто больше заплатит.

Ромеро и раньше такое видел. Видел, как они сотворили такое с чернокожим пареньком по имени Лестер Герон. Они унижали его до тех пор, пока Герон не перерезал себе вены в душевой месяца два назад.

А на этот раз Ромеро интересовало, сами ли они до такого додумались, или им отстегнул жирный кусок Папаша Джо.

Тем временем Хеслип и Бургон отложили в сторону чистку картофеля и встали с двух сторон от Палмквиста. Похоже, от своей идеи они отказываться не собирались.

- Только взгляни на него, - начал Бургон, - какой молодой, крепкий блондинчик. Милашка просто. Ну, вот как ты, идиот, можешь жалеть ради него два лишних блока сигарет?

- Да разве я такое говорил? Чёрт, да я просто сейчас на мели. Может, договоримся? На мне будет висеть долг, и мы оба получим то, что хотим?

- И о каком долге ты говоришь, ниггер?

- Да как и всегда, как и всегда. Подберу того, кто тебе отсосёт. Согласен?

Палмквист сделал шаг в сторону.

- Грёбанные педики, - произнёс он. - Грёбанные черномазые педики!

Хеслип и Бургон заткнулись на полуслове, сдвинулись плечом к плечу, раздумывая над тем, что иногда для того, чтобы лошадка скакала нормально, её сперва необходимо сломать.

- Ты чё вякнул, малец? - процедил Хеслип.

Ромеро направился в их сторону. Он и сам толком не знал, кого тут надо спасать: этого ребёнка или двух чернозадых ублюдков-дегенератов. Он вклинился между ними и Палмквистом.

- Вы какого хрена тут делаете, парни? - добавил он язвительности в голос. - Кто вам сказал, что у вас есть какие-то права на его задницу? Он мой сокамерник, поэтому если вы, суки, хотите поговорить о делах, сначала стоило подойти ко мне.

- А я думаю, что не стоило, - ошетинился накачанный и высоченный Бургон.

Ромеро вытащил из ремня лезвие.

- А может отрезать вам сейчас на хрен яйца и запихнуть вам же в глотку? Что скажешь на это, парень?

Они смотрели на лезвие и молчали. Оба знали, кто такой Ромеро. Оба были в курсе, что он порезал многих парней, перешедших ему дорогу. Быстро и без лишних предупреждений.

Хеслип ухмыльнулся, показывая полусгнившие зубы.

- Круто, Ромеро, круто. Только вот какого хрена? Этот пацан принадлежит тебе? У тебя на него какие-то права?

Ромеро пожал плечами.

- Может и так. А может вам стоит задуматься о чём-то более серьёзном и опасном, прежде чем лезть к этому мальцу.

- Да? И о чём же, а? - протянул Бургон.

- Зек по имени Уимс цеплялся к этому пареньку. Вы же знаете Уимса, да? Огромный уродливый ниггер? Мне всегда казалось, что его мамаша должна была упасть в обморок, когда увидела, что родила. Короче, он ввязался не в свои дела, и вы знаете, что произошло. То же самое случилось и с белым засранцем по имени Жирный Тони... Или ваши тупые головы уже

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

забыли об этом? Я слышал, что его вскрыли, как банку чёртовых консервов. И это в одиночке-то. Так что, хотите рискнуть?

Оба зека посмотрели на Ромеро, словно тот был психом. Может, так оно и было. Но затем Хеслип и Бургон напряжённо отступили, их лица побледнели. Им было нечего сказать на тираду Ромеро.

Палмквист тоже молчал. Но что-то в глубине его глаз пристально следило за двумя заключёнными.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-16-

Может, у Хеслипа с Бургоном и было мало мозгов, но вот у остальных зеков остатки разума точно сохранились.

Когда день в Долине Шеддок сменился ночью, по камерам снова начали ползти слухи, вновь разжигая паранойю.

Возможно, дело было в их воображении, а возможно, в простом суеверном страхе, но все заключённые ощущали в тюрьме присутствие чего-то, чего тут раньше не было.

В тюрьме и прежде атмосфера была далеко не праздничная, а уж теперь стала ещё хуже.

Что-то витало в воздухе, что-то мрачное и гнетущее, словно кишки вырвали не только у Уимса и Жирного Тони, но и у самой тюрьмы.

Парни боялись, но не могли этого признать.

И даже хуже - они не понимали толком, чего боятся.

Но в их головах, в тёмных запертых комнатах, полных их детских страхов, они видели разное. Размытые фигуры и белые лица призраков, тянущих к ним свои крючковатые пальцы.

Существа, рождающиеся под кроватями и в шкафах; существа с мерзкими ухмылками и пуговицами вместо глаз. Они шептали твоё имя в ночи и высасывали из твоих лёгких воздух чёрными, жадными дырами на месте ртов.

И, когда ночь стала чёрной. как смоль, когда зеки затаились в своих камерах, ожидая отбоя, они начинали видеть, как нечто тянется за ними из теней в углах...

В течение дня Ромеро почти не разговаривал с парнишкой.

Каждый раз, когда он бросал взгляд на мелкого ублюдка, у Ромеро в животе что-то начинало шевелиться, и к горлу подкатывала тошнота, а сердце колотилось так, что мужчина не мог выровнять дыхание.

Ромеро разглядел в этом ребёнке нечто отталкивающее, выворачивающее кишки наизнанку, ещё с той поры, как Йоргенсен впервые ввёл Денни в камеру в Ромеро.

Он нарушил размеренную жизнь Ромеро. И Ромеро до жути хотелось выбить всю дурь из этого засранца, но... Он боялся того, во что это может вылиться.

Парнишка продолжал благодарить Ромеро за вмешательство в разборки с Жирным Тони, но Ромеро и слова не желал об этом слышать.

Жирный Тони и то, что с ним произошло, было последним, о чём Ромеро хотел вспоминать. Особенно сейчас.

Камеры уже были закрыты, и зеки готовились к отбою.

А Ромеро оказался запертым в одной камере с пацаном.

Он лёг на свою койку, открыл книгу и постарался вообще не смотреть в сторону Палмквиста. Что было непросто, поскольку паренёк не сводил с Ромеро глаз. Денни расхаживал по камере, покачивая головой, обхватив себя руками и похлопывая ладонями по плечам.

Он пять или шесть раз останавливался напротив Ромеро, бросал на мужчину взгляд, открывал рот, словно собирался что-то сказать, но потом просто качал головой и продолжал ходить взад-вперёд.

- Чего тебе не сидится? - наконец не выдержал Ромеро. - Меня уже начинают раздражать твои метания.

Палмквист сел, затем вскочил на ноги, затем снова сел.

- Скоро стемнеет, - произнёс он.

- Правда?

Но парнишка не понял сарказма. Он изучал свои пальцы, может и желая что-то сказать, но не смея.

Его лицо было белым, как мел, а тёмные круги под глазами напоминали синяки. Он дёргался, нервничал и никак не мог усидеть на одном месте дольше пары минут.

- Той ночью, - начал он, - когда Уимс... Ты что-нибудь слышал?

Ромеро опустил край книги на пару сантиметров.

- Ага, слышал. Как ты храпел.

- А ещё что-нибудь?

- А что ещё я мог слышать?

Палмквист дёрнул головой и потёр глаза.

- Я устал.

- Так окажи нам обоим грёбаную услугу и вали спать.

Но парень лишь покачал головой.

- Я не хочу идти спать. Не думаю, что вообще захочу когда-нибудь спать.

- Это почему же?

Мальчишка посмотрел на него покрасневшими глазами.

- Чёрт... Если бы ты только знал...

«Похоже, я уже знаю», - подумал Ромеро.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-18-

Блок С, той же ночью.

Всё началось в 2:10 ночи.

Послышался крик, но кричал не один человек, а двое, а через несколько секунд крик распространился, как заразная болезнь, от одного зека в блоке С к другому, словно они все разом сошли с ума.

На дежурстве был Бобби Паркс.

Он был, по меньшей мере, на десяток лет старше остальных охранников, и, когда началось очередное безумие в камерах, он приказал всем оставаться на своих постах и позвать сюда сержанта Варреса прямо сейчас.

А сам побежал в противоположный конец блока С, сжимая в руке рацию и приказывая открыть решётку.

Зеки посходили с ума, выли, кричали, дёргали прутья решёток и требовали, чтобы их отсюда на хрен выпустили.

Но Паркс их проигнорировал, отрешившись от всего, что они кричали и делали, и сосредоточился на том, что происходило в дальнем конце коридора, в районе семьдесят пятой или семьдесят шестой камеры.

Он вновь услышал крики. Сначала они напоминали вой человека, заживо поджариваемого на углях... А потом превратились в вопль, на который, казалось, человеческие лёгкие не способны.

Точно, семьдесят пятая.

Паркс - сильный и накачанный охранник, способный справиться одной левой практически с любым отбросом в этой тюрьме, вдруг ощутил себя маленьким, очень слабым и напуганным до чёртиков.

Он вспомнил о Хоуле. О поехавшем крышей Йоргенсене.

«Давай, мужик, поднимайся, - приказал он себе. - Ради всего святого, вставай! Это твоя работа!»

Но эти звуки... Чёрт, он даже представить не мог, что может их издавать!

Высокий, резкий, пронзительный вопль, разрывающий барабанные перепонки, заставляющий внутренности скручиваться в тугой узел и подскакивать к самому горлу.

Он хотел убраться подальше от этого чудовищного крика, который, казалось, проникал сквозь мужчину, замораживал мозг и отдавался ломотой в зубах.

Все зеки пытались выбраться из камер, умоляли защитить их, плакали, всхлипывали, а многие даже молились сорванными от криков голосами.

Визг был странным, резким, гулким, словно врезающаяся в древесную плиту циркулярная пила. А в воздух поднимался запах чего-то гнилого, перебродившего и грязного.

Паркс приблизился к семьдесят пятой камере и включил рацию:

- Это я, - произнёс он непослушным языком. В рот будто насыпали песка, - открой семьдесят пятую...

- Открыть? - парень на другом конце рации не мог поверить своим ушам.

- Делай, что я, мать твою, говорю...

Визг внутри камеры почти заглушил звуки хаоса снаружи.

А затем к крику присоединились влажные, разрывающие плоть звуки. Словно кто-то огромным топором разделывал тушу.

Паркс не мог поверить тому, что слышал... Будто кто-то ползёт по полу... Как клубок слизких змей, выползающих из болота по мокрой листве...

Паркс сделал шаг вперёд, включил фонарик и увидел...

Он и сам не смог сказать, что он видит, но это заставило его сделать два неловких шага назад и почти выронить фонарик.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Он увидел Хеслипа... точнее, это, скорей всего, был Хеслип... бросающегося на прутья решётки с такой скоростью, что Паркс чуть не заорал.

Хеслип врезался в решётку с такой силой, словно его сбил и отбросил в сторону грузовик, и Паркс услышал, как при соприкосновении с железными прутьями у Хеслипа затрещали кости.

Что-то тёплое и влажное пронеслось мимо Паркса, отбрасывая тень на пол и частично заслоняя свет от его фонарика.

И в это мрачное мгновение, прежде чем Паркс отшатнулся, он заметил, что Хеслип весь красный, словно кто-то окунул его в чан с красными чернилами. А его тело... сломанное, искорёженное. И кровоточащая маска вместо лица, с которой словно срезали всю плоть острым ножом...

А затем Хеслипа отдёнуло назад и в сторону.

Фонарик ходил ходуном в руке Паркса, и в его дрожащем и снующем по стенам свете невозможно было понять, что происходит в камере.

А ведь прошло всего секунд десять с тех пор, как Паркс приблизился к семьдесят пятой камере.

Всё вокруг превращалось в нереальный ночной кошмар. Зеки бушевали в приступе безумия, а Паркс слышал лишь голодные, чавкающие звуки изнутри камеры и грохочущее в унисон клцанье когтей, царапанье по стенам и скрежет зубов о человеческие кости.

Безумие. Полное безумие.

Дёргающийся свет фонарика вырывал из окружающего жуткие картины: кровь, яростное движение, нечто корчащееся и извивающееся; отражающая луч света неразбериха из плоти, порывов горячего воздуха и серой желеобразной массы.

И вдруг Паркс услышал звук, который вернул его к реальности: щелчок замка на двери камеры. Дверь скользнула в сторону и начала открываться, а Паркс со всей дури заорал в рацию:

- Закрывай эту чёртову дверь! Закрой её, мать твою! Закрой, ублюдок ты грёбанный!

Дверь замерла и начала медленно закрываться.

Она успела отъехать от стены всего на метр, но это хватило.

Хватило для того, чтобы нечто выскользнуло наружу. Нечто с розовыми полупрозрачными щупальцами, как у медузы.

Они извивались, как слепые черви, нащупывая путь. И вот тогда Паркс не выдержал. И закричал.

Щупальца оказались всего в метре от его ноги, и тут дверь, наконец, захлопнулась, разрезая, отсекая часть существа с брызгами похожей на чернила жидкости, воняющей тухлой рыбой. А та часть создания, что осталась в камере, истощно завопила, и звук этот был пронзительнее, чем свист десяти разом закипевших чайников.

Отрубленные щупальца извивались, как черви под прямыми солнечными лучами, и Паркс выронил фонарик и начал орать в рацию:

- Включай верхний свет! Включай, мать твою, этот грёбанный верхний свет!

А все зеки вокруг него читали молитвы Иисусу и Деве Марии.

А потом, наконец, включился верхний свет.

Такой резкий и яркий, что Паркс на пару секунд зажмурился.

А существо в камере начало стенать, словно яркий свет был для неё равнозначен едкой кислоте.

Вокруг стоял дым, туман, всё было забрызгано кровью, а то существо всё визжало от ярости и ненависти. Затем послышался скрежет металла и стук болтов по цементному полу.

К тому времени, как Паркс рискнул заглянуть в камеру, существо исчезло. Оно отодрало со стены покрытие на уровне батареи и соскользнуло в вентиляционную систему.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Прибежал сержант Варрес, жаждавший немедленно получить объяснения, какого хрена здесь сейчас произошло.

Но когда он увидел бойню в семьдесят пятой камере, кости, плоть и разбрызганную кровь, он повернулся к Парксу.

- Что за хрень это была? - спросил у него Варрес.

Но Парск лишь помотал головой, выпучив глаза, а из дрожащего уголка рта у него стекала струйка слюны.

- Оно... оно было в бешенстве, - наконец выдавил он.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-19-

Начальник Линнард отправил Палмквиста в одиночку ради его же безопасности.

Зеки, наконец, связали то, что произошло в Брикхейвене, и то, что происходит сейчас здесь, в Долине Шеддок.

Тем утром, после убийства Хеслипа и Бургона, двадцать практически спятивших от страха зеков набросились на парнишку в столовой и били того до потери сознания, пока охранники не вмешались и не навели порядок.

Как бы то ни было, Палмквисту пришлось накладывать тридцать швов, а на левую руку - иммобилизационную повязку.

- Слушай, - говорил ему Линнард, - мне чертовски не нравится то дерьмо, что здесь происходит. Эти парни хотят тебя убить. И убьют, как только им предоставится такой шанс. Поэтому я помещу тебя под стражу. Ты будешь не в обычной камере, а в «яме». Это самое безопасное место в нашей тюрьме, и до окончания расследования по твоему делу ты будешь находиться там.

Начальник сказал, что не знает, виноват Палмквист ли во всём случившемся или нет, а если да - то Линнард понятия не имеет, как он это всё провернул. Но в «яму» он пойдёт в любом случае.

Ради его же безопасности.

У начальника никогда прежде ещё не было таких проблем.

Зеки посходили с ума, а тюремные юристы строчили иск за иском в Департамент исполнения наказаний.

А Департамент взялся за Линнарда. Высокое начальство постановило, чтобы Долина Шеддок была закрыта для прессы вплоть до дальнейших распоряжений.

А в самой тюрьме кипело и бурлило напряжение, готовое вот-вот выплеснуться наружу, подпитываемое давними претензиями и неотвеченными жалобами на бесчеловечное обращение и условия жизни.

Ромеро понимал, что именно грядёт.

Да и все остальные понимали. Кроме, разве что, Линнарда.

Если бы он чувствовал, что скоро должно случиться, то поместил бы всех зеков до единого в карцер.

Начальник решил, что ужин Палмквисту должен отнести Ромеро. Наверно, думал, что вид сокамерника заставит паренька поверить, что «яма» - это не наказание, а особые условия содержания ради его же блага.

Ромеро абсолютно не хотел туда идти, но понимал, что если он откажется, то Линнард отдаст негласный приказ охранникам, и уж те своего не упустят и возьмутся за него.

Поэтому он понёс Палмквисту ужин - жирная запеканка из спаржевой фасоли и несколько ломтей ржаного хлеба. Охранник впустил его внутрь и даже позволил посидеть немного с мальчишкой, закрыв дверь за вошедшим Ромеро.

Палмквист выглядел паршиво с учётом ушибов, наложенных швов и гипсовой лонгеты.

Но дело было не только в побоях. Его лицо было мертвенно-бледным, и на нём чёрными озёрами светились огромные, чёрные, бездонные глаза.

Ромеро подумал, что так же выглядят героинщики со стажем без очередной дозы, чьи души уже выдоены досуха.

Палмквист молчал, поэтому Ромеро решил заговорить первым:

- Расскажи мне об этом, Цыпа. Расскажи мне.

Но паренёк даже не поднял голову.

- Я... Можешь принести мне что-нибудь из стимуляторов, Ромеро? Декседрин или мет? Да хоть кофеиновые драже! Хоть что-нибудь! Не важно что. Главное, чтобы я не засыпал.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Может и смог бы, - ответил Ромеро, - только как пронести их мимо того борова у твоей двери?

- Если ты их не принесёшь, то захвати хотя бы чёртову бритву!

Ромеро посмотрел на Денни.

Значит, теперь мысли о самоубийстве. Ему настолько херово?

Конечно, Ромеро знал, что произошло с Хеслипом и Бургоном. Он обо всём услышал сегодня утром. Но в отличие от той ночи с Уимсом, эту ночь Ромеро спокойно проспал... Правда, с помощью успокоительных.

- Думаешь, это решение проблемы, Цыпа? Наркота и бритва?

- Я не должен спать, - безжизненным голосом произнёс Палмквист. - Уж точно не сегодня ночью. А возможно, вообще никогда больше.

- Почему же?

- Ты знаешь почему.

Похоже, Ромеро действительно знал.

- Я слышал, - вздохнул он. - Я слышал его той ночью, когда оно добралось до Уимса. Я услышал что-то со стороны твоей койки. И знаешь что, Цыпа? Оно напугало меня до потери пульса. Я слышал, как оно шуршит над моей головой, у тебя на матрасе, но у меня не хватило смелости встать и посмотреть.

- Хорошо, что ты не встал. Он...

- Что?

Но Палмквист только покачал головой.

- Я ненавидел Уимса и Жирного Тони. И этих двоих...

- Они просто мусор, Цыпа. Отбросы.

- Да, я знаю, Ромеро, но поверь мне, я в жизни не собирался такое с ними... О Господи, это зашло так далеко! Это всё моя вина. Теперь все зеки меня терпеть не могут и хотят, чтобы я умер. Как бы я хотел, чтобы сегодня утром они меня всё-таки убили...

Судя по боли в голосе, Палмквист действительно так считал.

- Забавно, да? Я весь день только и мечтаю, чтобы они меня убили. Как по мне, так это единственное правильное решение.

Ромеро надолго задумался, поджёг сигарету и выдохнул дым через нос.

- Ответь на кое-какой вопрос, Цыпа: то, что с тобой сейчас происходит, уже случалось раньше, ведь так? То есть... В общем... Что бы за херня это ни была... Оно ведь для тебя уже не новинку.

- Нет.

- И оно нацеливается на твоих врагов, так?

- На то, что, по его мнению, мне угрожает.

Ромеро положил руку на плечо Палмквиста:

- Ладно, парень, что это за чертовщина?

Денни нервно хихикнул и закрыл лицо руками.

- Ты мне неверишь. И никто не поверит. Я уже как-то рассказывал другим, и они решили, что я псих.

Ромеро затянулся сигаретой.

- Чёрт, парень, сейчас я готов поверить во что угодно. Правда.

Он на мгновение замолчал.

- Ладно, давай я начну. Всё дело в твоём брате, чёрт бы его побрал. В первый день ты назвал его Деймон, я помню. Ты сказал, что он не такой, как другие люди, что он другой. Что если кто-то на тебя наедет... он с ними разберётся. Правда, тогда я решил, что он не в тюрьме. Но, похоже, он внутри неё. Он внутри тебя.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Да, ты прав, - Палмквист сжал зубы и вцепился руками в волосы. - Он всегда был внутри меня. Видишь ли, Ромеро, я был одним из близнецов. Мой брат умер при родах. Точнее, он уже родился мёртвым. Иногда, когда в утробе матери растут близнецы, один из них начинает доминировать и поглощает второго. Я и был этим доминирующим близнецом. Хотя иногда мне кажется, что всё наоборот...

Палмквист рассказал, что в первом триместре беременности УЗИ показало, что его мать ждёт близнецов. Она назвала их Денни и Деймон.

То, кто родится первым, будет Денни, вторым - Деймон.

Только Деймон так и не родился.

Во втором триместре выяснилось, что остался только Денни и какая-то рудиментарная ткань.

Её полностью «высосал» второй плод. Доктор сказал, что на таких ранних сроках подобное хоть и редко, но случается.

- Она рассказала об этом, когда мне было пять или шесть лет. Мой старик погиб в автомобильной аварии, так что, полагаю, настало время для признаний, - продолжал Денни. -

Часть меня уже знала то, что рассказывала мать, потому что каким-то образом я всегда понимал, что не одинок. Просто чувствовал это, наверно. И с годами ощущение кого-то ещё внутри меня лишь усиливалось. Нет, Деймон никогда не выходил наружу и не принимал обличье. Он постоянно прятался внутри меня.

Палмквист объяснил, что никогда не разговаривал с Деймоном и не вступал в контакт, потому что Деймон доминировал лишь тогда, когда Денни спал. Тогда и только тогда Деймон мог выйти наружу.

Выйти и поиграть.

Палмквист мог проснуться утром, а его игрушки были разбросаны, вещи перемещены, сломаны или вообще потеряны.

Это был Деймон. Он выходил по ночам и играл, как любой другой ребёнок его возраста.

Только вот он не был таким, как другие дети, и Палмквист понимал это уже в детские годы.

Кем бы ни был Деймон, он принимал облик мрачного, отвратительного, абсурдного существа, скрывающегося в детском подсознании. Существа из детских кошмаров, прячущегося под кроватью или в шкафу.

- Если дети меня задевали, Деймон платил им той же монетой по ночам, - признался Палмквист тихим, полным боли голосом. - Нет, он их не убивал, нет! Иногда щипал, иногда кусал или мог сбросить во сне с кровати. Когда я стал подростком, он превратился в более жестокого и агрессивного. Наверно, гормональная перестройка затронула и его. И, если какие-то дети меня цепляли, Деймон не стоял в стороне.

- Одна девчонка постоянно смеялась надо мной в девятом классе. Называла меня педиком и всё такое. Деймон скрутил башку её псу. Одного парня он столкнул с лестницы, а из хулигана, который не давал мне прохода, выбил всё дерьмо.

- А, ещё была Кенди Боггс. Самая популярная девчонка в школе. Настоящая красотка. Однажды я набрался смелости и пригласил её на свидание. Она рассмеялась мне в лицо и потом ещё пару дней дразнила со своими подружками. И вот однажды ночью её навестил Деймон. Не знаю, что он её сказал, но она на целый год загремела в психушку...

Как бы безумно всё это не звучало, но Ромеро ясно представлял, что происходило: ужасный брат прячется внутри и выходит, когда надо защитить единственного в мире человека, которого он любит. Если, конечно, подобное существо умеет любить.

- Та девушка... которую он убил, и из-за которой тебя упекли сюда...

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Это был первый раз, когда он кого-то убил, - признался Палмквист. - Клянусь богом, первый. Меня отправили в Брикхейвен... и, думаю, продолжение ты и сам знаешь. Он - часть меня, а я - часть него. Знаешь, иногда мне хочется от него избавиться, но всё не так просто.

Охранник открыл заслонку на двери.

- Ладно, Ромеро, заканчивай. Почешете языками в другое время.

Окошко закрылось.

Ромеро начал подниматься, и Палмквист положил руку ему на плечо.

- Те парни, что зацепили меня... Деймон выследит их одного за другим. Понимаешь, Ромеро? Держись от них подальше. Особенно по ночам, - Палмквист убрал свою ладонь с плеча Ромеро. - И он боится света. Помни это. И скажи охранникам, чтобы не выключали здесь свет, иначе всякое может случиться.

Ромеро кивнул.

- Слушай, малец... У нас же с тобой... всё равно?

Палмквист даже слегка улыбнулся.

- Конечно. Ты хороший человек, Ромеро. Как только я тебя увидел, то сразу понял, что ты не дашь им что-нибудь со мной сделать, если это будет в твоих силах.

- Похоже, ты знаешь меня лучше, чем я сам.

- А тогда, с Жирным Тони... Это было нечто, мужик!

Ромеро просто пожал плечами.

- Ты дал нам почувствовать себя в безопасности, - продолжил Палмквист. - Да, знаю, ты пошёл против правил, и тебе пришлось туго... Но ты хороший человек. Ты действительно заставил нас чувствовать себя защищёнными...

Тут открылась дверь, и охранник выволок Ромеро из камеры. А Ромеро почувствовал, как в горле стоит комок, и тяжело сглотнул, повторяя про себя, кто он такой, где находится, и что тюрьма - не место для подобных эмоций.

- Не выключайте тут свет, - сказал он охраннику.

Но тот лишь рассмеялся.

- Твой красавчик боится темноты, Ромеро?

- Нет, не боится. А вот вы скоро заботитесь.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-20-

В Долине Шеддок Ромеро доверял немногим.

Уж точно, не охранникам, а из зеков набиралось всего пару человек. И ДжоДжо Аквинтес был одним из них.

Судья отправил его на восемь лет в Шеддок за вооружённое ограбление, и это был уже второй раз, когда этого жёсткого парня государство посылало на перевоспитание.

Но, несмотря на историю мошенничества и всё, что он когда-либо сделал, Аквинтес походил на Ромеро, и Ромеро был рад, что они находились на одной стороне.

Если ты являлся другом ДжоДжо, то мог безоговорочно ему доверять. Он никогда не украдёт у тебя, никогда на тебя не наступит и никогда не воткнет в спину заточку.

А в тюрьме максимально строгого режима это многое значило.

Ромеро открыто рассказал обо всём Аквинтесу, вытащив на божий свет все скелеты из древних шкафов.

- Я понимаю, ДжоДжо, что это, мать его, бред сумасшедшего... Но клянусь могилой своей матери, Палмквист... Господи... Он не такой, как другие люди. Вся та хрень, что он рассказывал о своём брате - это правда.

- Я верю тебе. Наверно, все мы когда-то начинаем верить в то, во что раньше не верили, - тихо ответил Аквинтес. - Всё меняется. Пусть иногда мы и не позволяем себе во что-то верить.

Ростом Аквинтес был метр шестьдесят пять, но коренастый и крепкий из-за постоянных тренировок в тренажёрном зале. Он носил очки, зализывал назад редущие и седущие волосы и увлекался историей Средневековья.

Он прочёл все книги в тюремной библиотеке на эту тему и ещё сотню - через интернет-базу библиотек.

Он не был обычным зеком.

Но за годы, проведённые в тюрьмах и камерах, Ромеро понял, что не существует такого понятия, как «обычный зек».

Кто-то был юристом в этих стенах, кто-то - художником, кто-то - поэтом, а кто-то так и оставался в душе фермером.

Хотя были, конечно, и обычные хулиганы, гопники и маньяки-убийцы - от них никуда не деться.

- Я должен был кому-то рассказать обо всей этой херне, - произнёс Ромеро, - и выбрал тебя.

- Я слушаю.

- Знаешь, Палмквист... У него есть близнец...

Аквинтес молча курил и терпеливо слушал, впитывая в себя каждое слово и оценивая их правдивость. Это у него прекрасно получалось. Он с лёгкостью делал правильные выводы, обращал внимание на малейшие детали и принимал во внимание любые возможности.

Он курил, слушал и рассеянно наблюдал за прогуливающимися по двору зеками. Те с важным видом расхаживали по территории, как самцы в период брачных игр, пытающиеся произвести впечатление на самок.

- Он неплохой парень, ДжоДжо, - закончил рассказ Ромеро. По его лицу катился градом пот, а глаза постоянно моргали, словно у мужчины перед глазами стояла картинка, которую он не хотел видеть и пытался отогнать. - Мы могли бы сделать из него правильного зека, который не станет походить на этих мудаков. Я искренне в это верю. То, что произошло с Уимсом и Тони, и Хеслипом с Бургоном...

- Эти уроды получили то, что заслужили, и все это знают, - констатировал всем известный факт Аквинтес.

Ромеро кивнул.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Я пытаюсь сказать, что нельзя винить парнишку за произошедшее. Он не в ответе за... за своего брата.

- Конечно, нет. Брат, многие тут утверждают, что пацана хранит дьявол, или что он какой-то антихрист со сверхъестественными способностями, как у тех белых чудиков в фильмах. Поэтому в то, что ты мне рассказываешь, не так уж и сложно поверить.

Аквинтес дёрнул плечом.

- Даже, я бы сказал, легче. Насколько неправдоподобным бы это не казалось, тут хотя бы присутствует некая научная доказательная база... Чёрт, и пусть она напоминает сюжет «За гранью возможного», но с этим, по крайней мере, можно работать!

- Вот теперь мне стало намного лучше, - пробурчал Ромеро.

Аквинтес усмехнулся.

- Ну, по крайней мере, здесь нету демонов и призраков. Конечно, тебе не удастся заставить поверить в это дерьмо тех идиотов, но вот я верю. Дай только уточню, - затянулся он сигаретой. - Близнец твоего паренька - Деймон, так? - живёт глубоко внутри брата, но, когда тот засыпает, может обретать материальную форму?

- Ага.

- Охренеть.

- Меня это тоже пугает до чёртиков, - не стесняясь, признался Ромеро. - Если бы ты только слышал...

- А что... что ты слышал?

- Ох, это было полным бредом. Я думал, что вот-вот заору, - голос Ромеро сорвался.

- Я лежал, и вдруг услышал движение и почуял запах гнилых фруктов. А эти звуки... наверно, оно вылезало из парнишки, и я это слышал... Твою мать, я это слышал! Влажные, хлюпающие звуки.словно кто-то доставал требуху из кабана. Эта вонь... И ползание по стенам... О, Иисус, Мария и Иосиф!

- Но ты это слышал только той ночью, когда напали на Уимса?

- В ночь, когда оно добралось до Жирного Тони, я был в больничке. А когда распотрошили Хеслипа и Бургона, я выпил столько снотворного, что можно было слона ими свалить. Я знал, что должно случиться, и просто не мог ещё раз это слушать...

Ромеро сжал руки в кулаки, чтобы пальцы не дрожали.

- Надо что-то делать, ДжоДжо, только вот я понятия не имею что.

Аквинтес покачал головой.

- Всё, что мы можем, это не переходить мальцу дорогу. Ты знаешь, что грядёт. Думаю, все знают...

Да, Ромеро знал.

И если до этого дойдёт дело, парнишка не выживет. Потому что грядёт бунт.

Он зрел уже несколько лет, но сейчас наконец готов прорвать плотину.

Четыре жестоких убийства внутри стен тюрьмы послужили отличным катализатором, и теперь о них говорили все - и белые, и чёрные, и латиносы. Впервые за многие годы они сплотились против общей угрозы.

Нет, не если - когда это случится, зеки возьмут управление тюрьмой в свои руки.

И первым делом после бунта, установив контроль над Долиной Шеддок, зеки пойдут штурмовать камеры, где держат слабаков и стукачей.

Потом они освободят всех заключённых из карцера.

А Денни Палмквист? Они убьют его на месте.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-21-

Если и существовала тюрьма, сама призывающая к бунту, то это была Долина Шеддок.

Древнее-древнее здание начала XIX века. С тех пор здесь почти не добавилось никаких удобств. Зимой здесь было холодно, как на льдине, а летом от жары пузырилась и текла краска на стенах.

Сквозняки, протекающая крыша, кишасшие кругом насекомые. Это здание было старым уже к началу Первой Мировой войны, а на рубеже веков вообще превратилось в трухлявую развалину.

Разменяв третий век существования, Шеддок оставался тем же местом, каким и был всегда - свалкой, куда государство сбрасывало всякий мусор, а когда этому мусору приходило время выходить на свободу, правительство притворялось слепым и закрывало на это глаза.

Зеки постоянно жаловались на всё: от еды до санитарии в помещениях. Но ответом им было лишь гробовое молчание.

Некоторые требовали улучшения медицинской помощи или прав на посещения, некоторые - таких простых вещей, как новые матрасы и визиты к стоматологу, хотя бы раз в три года.

Охранники были злобными, и побои стали привычным делом, как и отсидки в карцере за незначительные, а порой и сфабрикованные нарушения.

Белым парням здесь приходилось тяжело. А неграм и латиносам - ещё сложнее.

Среди охранников процветала коррупция - они могли пронести зекам всё, что угодно: от порнушки до наркоты, если им хорошо заплатить.

Но если для белого это будет стоить двадцать баксов, то для латиноса - тридцать, а для негра - все пятьдесят.

Охранники поощряли стукачей, и даже приплачивали некоторым зекам, чтобы те крысятничали друг на друга. Что многие и делали с тревожащей регулярностью. Охранники тоже верили в принцип «разделяй и властвуй».

Иногда они без всяких причин предоставляли поблажки чёрным, но забирали привилегии у белых, только усиливая тем самым вражду и ненависть среди зеков. И рано или поздно всё это выливалось в вооружённые стычки между белыми и неграми во дворе с обрезками труб и заточками.

Иногда охранники начинали лучше относиться только к одному зеку из большой группы и делали ставки, сколько времени пройдёт, прежде чем товарищи по камере его за это избыют до полусмерти. Или даже хуже.

Охранники часто распространяли слухи, регулярно рассказывая зекам неправду про их жён и детей - что угодно, чтобы раскачать лодку и заставить зеков расшевелиться.

Каждый заключённый мог в любой день ожидать шмона камеры.

Личные вещи изымались, рисунки детей разрывались на мелкие кусочки, а фотографии девушек и жён охранники отбирали и продавали другим зекам... Особенно если девушки были сексуальными и в купальниках.

В большинстве своём охранники были парнями из небольших городков.

Жестокое, бесчеловечное быдло, которое ненавидело любого, кто оказался темнее их.

Чёрных били постоянно. Латиносов - чуть меньше. Но вот если они прекрасно разговаривали на английском, то в первую очередь охоту открывали на латиносов.

А вот перед белыми из организованных группировок охранники виляли хвостом, как дворовые шавки, и делали всё, что те попросят: приносили еду из итальянских ресторанов, выбирали лучшие куски мяса, вино и свежие фрукты.

Такие же группы из чёрных могли в любой момент ожидать, что их бросят в карцер и избыют, если охранники заподозрят, что они пытаются объединить разрозненные негритянские банды в единое целое.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Тюремных юристов и адвокатов охранники тоже терпеть не могли.

За подачей иска от зека следовало обычное наказание - голодный паёк.

Кантри слушать было можно, но вот за рэп или тяжёлый рок радио или магнитофон могли конфисковать, особенно если охранник давно мечтал о таком же для себя.

Если у тебя была репутация смутьяна, то передачу писем из дома могли приостановить, а любую исходящую почту прочитывали перед отправкой.

А любые детали личного и интимного характера тщательно собирались охранниками и использовались для того, чтобы побольнее достать зека.

Вот такой была жизнь в Долине Шеддок.

В Департаменте исполнения наказаний любили поговорить о реформах, но Шеддок до сих пор их так и не увидел.

Тюрьма стала похожей на старую рану, которую не обработали должным образом, а лишь позволили покрыться коркой. А оставшийся под ней гной отравлял каждый нерв, каждое мышечное волокно, бегущую по сосудам кровь, пока всё тело - вся тюрьма - не оказались заражены.

И лишь вопрос времени, когда этот гнойный очаг прорвётся сам.

Это была нехорошая ночь.

Конечно, в Шеддоке и так было мало приятных ночей - всегда находился зек, который вдруг собрался порешить сокамерника, или зек, швыряющий в проходящего мимо охранника дерьмом, и второй, которого от этого рвало на всю камеру. Но некоторые ночи были всё же хуже остальных.

И у некоторых охранников раз за разом оказывались отвратительные дежурства.

Таким был и Лео Комиски.

Казалось, он не выходит из дежурств по карцеру, наблюдая за зеками, выслушивая их постоянные жалобы и нытьё, крики в темноте и просьбы оставить включённым свет.

Их голоса были слышны даже через толстые железные двери, только более приглушённо, как из засыпанного землёй бункера.

Сегодня в карцере сидели семеро, и все они были напуганы до чёртиков и нервничали.

И причиной тому был восьмой, добавленный только что зек - Денни Палмквист.

Эти семеро вели себя, словно Палмквист был Дьяволом во плоти, который проник в тюрьму, чтобы высосать их кровь и обглодать кости черепа.

И они никак не переставали трястись от страха. Нет, от животного ужаса.

И всё это огромные, крутые парни, к которым никто не рискнул бы повернуться спиной, боясь, что ему вскроют горло бритвой.

Лео Комиски было на это плевать.

Он знал, что происходит вокруг Палмквиста, и боялись мальчика не только зеки.

Охранники, даже начальник... У всех появлялось на лице такое забавное выражение, когда кто-то упоминал имя этого парнишки - словно их тошнило, но они пытались сдерживать рвотные позывы.

И жёлтая полицейская лента вокруг места преступления - третьей камеры, где умер Жирный Тони - совсем не помогала успокоить людей. Абсолютно не помогала.

Двое зеков в карцере были новичками, где-то наглотившимися наркоты, и уже улетели в далёкие дали.

Приближалась полночь, когда из камеры Палмквиста начали доноситься какие-то звуки.

От забавных пронзительных свистящих звуков у Комиски побежали мурашки вдоль позвоночника, а голова отозвалась нестерпимой болью.

Комиски собрался с духом и направился к четырнадцатой камере, где сидел парнишка.

Он потянулся к щеколде, открывающей небольшое окошко в двери.

Но, как и Йоргенсен пару дней назад, он застыл перед дверью. Что-то внутри него, услышавшего эти звуки, тянуло парня назад, подальше от двери.

Как у человека, стоящего на крыше десятиэтажного здания включается вдруг осознание и он думает: «А что я тут вообще делаю?»

Ведь в жизни существуют некоторые вещи, увидев или услышав которые, уже никогда не стать прежним.

Комиски стоял и дрожал, как на сорокоградусном морозе, с поразительной чёткостью вспоминая рассказы других охранников о том, что они слышали, а в случае с некоторыми неудачниками - ещё и видели.

«Есть такие вещи в жизни, -

говорил им зловещим шёпотом сержант Варрес. - Если ты их хоть раз увидишь, то больше никогда не сможешь их забыть».

Вещи, из-за которых ты поседеешь и впредь всегда будешь спать с включённым светом.

«Парни видели то же, что и я. И этот мерзкий запах, разъедающий кожу. И всё, что ты можешь сделать, это держать себя в руках, попытаться не засунуть табельное себе в рот и не вышибить от страха мозги».

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

И сейчас Комиски понял, что это не простые слова. Может, Варрес и был властным жестоким ублюдком, но это не значило, что он не прав.

«Надо было расспросить Йоргенсена поподробнее... Хотя у него нервный срыв, и вряд ли он сможет говорить ещё пару недель».

Такие мысли носились у Комиски в голове.

Он слышал этот пронзительный, жалобный вой, словно плакал рождённый в глубинах ада ребёнок. Пальцы Комиски, дрожа, дотронулись до задвижки. Они были холодными. Ледяными. Такими, мать их, ледяными, что парень их почти не чувствовал.

«Сделай это, чёрт побери, - говорил он себе, - просто сделай».

Мужчина резким движением отодвинул щеколду, и в лицо ему ударил горячий поток воздуха, пахнувший перебродившими дрожжами. От этого запаха часть внутренностей Комиски захотела выплеснуться наружу через рот, а вторая часть - через задницу.

И это зловоние, становящееся сильнее с каждой секундой, ударило в лицо, как слезоточивый газ, от которого глаза заслезились, горло сжалось, а ноздри начали гореть.

Комиски включил свет.

Палмквист лежал на койке и спал без задних ног. Он весь был затянут белой, похожей на паутину субстанцией наподобие эктоплазмы.

Она вытекала из его рта, ушей, глаз, сочилась с кончиков пальцев тягучими, пульсирующими тяжами, которые, казалось, были живыми.

Сеть вздымалась и опускалась, словно в такт дыханию, поднималась усиками к потолку, а там соединялась во что-то бледное, раздувшееся, вроде паука или...

Мать Божья...

Оно становилось всё больше, раздуваясь, как поднимающееся на дрожжах тесто.

Это-то и увидел Комиски.

Он смотрел на потолок секунду, может две, а потом существо завизжало, зашипело, заметалось по потолку, запуталось в белых нитях слизи, напоминавших идиотский, свисающий сверху серпантин.

Комиски заорал и захлопнул окошко.

А внутри камеры это абсурдное, жуткое создание скулило, ревело и скрежетало, как кусок металла на шлифовальном кругу.

А затем... Медленно, очень медленно всё начало стихать.

Какое-то время из камеры ещё доносились отвратительные звуки.

Сначала словно кто-то разливал цемент по ведрам, затем влажные шлепки по стенам, а потом - будто кто-то мочился на пол.

И наконец, Палмквист застонал, заворочался и... тишина.

После этого Комиски больше не выключал свет.

А следующим утром начался бунт.

Его начали чёрные.

Сытые по горло бесчеловечными условиями содержания и пустыми обещаниями юристов, они воспользовались моментом и захватили двор: разоружили порядка двадцати охранников, облили их керосином из спрятанных канистр, достали спички и крикнули автоматчикам и снайперам на вышках, что подожгут охранников, если те не отойдут назад.

Больше ничего и не потребовалось.

Может, снайперам это и не понравилось, но они не хотели, чтобы их коллеги и братья поджарились, как колбаски на гриле, поэтому они отступили.

Первым делом остальные охранники добрались до громкоговорителей и пообещали бунтующим, что ад покажется им детской игровой площадкой по сравнению с расплатой за такое.

Ну, вот как не любить таких парней! До последнего настроены миролюбиво.

И пока чёрные захватывали двор, белые и латиносы захватили всё остальное.

Они поймали обслуживающий персонал, администрацию и отдыхающих во время перерыва охранников, захватили оружейную и кабинет начальника, и вскоре битва закончилась, так толком и не начавшись.

Долина Шеддок перешла во власть заключённых.

Когда всё началось, Ромеро работал в цеху по металлу. Он чувствовал разлившееся в воздухе напряжение, от которого, как от давления перед грозой, начинала прыгать стрелка барометра.

Каждый зек в тюрьме знал, что происходит.

Каждый зек чувствовал, каждый зек понимал, что произойдёт дальше.

Ромеро уже начал чувствовать запах свободы, и не успел он опомниться, как троих охранников в цеху, где он работал, повалили на пол. В цеху тоже начался бунт.

Один из них - большой волосатый парень по имени Кнапп, который выглядел так, словно полжизни пробежал по лесам в шкуре мамонта, - сплюнул кровью и прорычал:

- Грёбанные животные! Вы все грёбанные животные! Скоро ваше время придёт, и тогда они разорвут ваши задницы на...

Но он не успел продолжить свою мысль, потому что жилистый чёрный зек Скиннер вмазал ему обрезком свинцовой трубы по лицу, и Кнапп подавился собственными выбитыми зубами.

Ему было больно, чертовски больно, но удар не убрал из его глаз ненависть - безумную, злобную ненависть, которую охранник испытывал к избивавшим его парням.

Скиннер проломил ему череп трубой, а байкер по кличке Скэггс отпихнул тело в сторону и перерезал Кнаппу бритвой горло.

Кровь.

Естественно, кровь сейчас лилась и во дворе, и в административных зданиях, и в комнатах отдыха, и в рабочих цехах... Ручьи крови сливались в озёра и мерцающие реки...

Но для парней в цеху работ по металлу это была первая настоящая пролитая кровь охранника. Кровь с запахом соли и металла. Кровь с запахом смерти.

Все начали кричать и улюлюкать, как стая голодных шавок над куском свежей говядины.

Они бросились к телу Кнаппа и принялись бить его ногами и кулаками, пока оно не превратилось в груды переломанных костей и мяса, истекавшую кровью, как корзина с раздавленными вишнями.

А голова Кнаппа больше напоминала перезрелый и лопнувший помидор, из которого отовсюду сочился сок.

И зеки это видели.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Видели, как истекает кровью охранник. Видели, что их можно сломать, как и любого другого человека.

Ведь с ними произойдёт то же самое, когда губернатор потеряет терпение и прикажет полиции «убрать этих ублюдков, передавить этих чёртовых надоедливых насекомых, а то, что от них останется, смести в мусор».

«И когда всё будет закончено, запереть их снова по клеткам, этих грязных, способных на убийство животных. И близится их час расплаты...»

Несколько зеков стояло вокруг сломанного тела Кнаппа, а остальные кричали, стонали и матерились.

Их глаза горели диким огнём, языки то и дело смачивали пересохшие губы, а пальцы крепко сжимали обрезки труб, гаечные ключи и листы металла, обмотанные изолентой.

Ромеро и раньше видел уродство бунтующей толпы.

Он знал её вкус, её запах, как это чувство холодными пальцами сжимает кишки внутри тебя... Но это... Это было просто недопустимо.

Если они хотели показать Департаменту и всем СМИ, что зеки в Шеддок - лишь обычные люди, желающие достойного обращения, а не кровожадные дикари, то они всё делали неправильно.

- Всё должно быть не так, чёртовы вы идиоты! - кричал им Ромеро. - Разве вы не понимаете? Разве никто из вас не понимает? Именно этого они ждут! Этого хотят! Вы просто играете им на руку...

Но зеки, похоже, ничего не понимали.

Они смотрели на Ромеро, и мышление толпы постепенно завладевало каждым, просачиваясь, как яд, в каждую пору и отравляя весь организм, разлагая разум всех бунтующих.

Перед Ромеро стояли плохие парни.

Здесь были и белые расисты, и чёрные мусульмане, и убийцы-латиносы, и социопаты, и другое быдло. Раса и цвет кожи вдруг перестали существовать. И на первый план вышла неумолимая жестокость.

Ангелы из Ада и Арийские Братья, Нация всемогущего Лорда-наместника и Гангстеры-Апостолы, Испанские Кобры и Нуэстра Фамилия (от исп. Nuestra Familia — «Наша Семья») - все стояли плечом к плечу, вдыхали исходящую друг от друга ненависть и превращались в диких зверей.

С оскаленными зубами, свисающими из края рта нитями слюны, сжатыми на оружии руками и урчащими от жажды крови и жажды смерти животами.

Ромеро сделал шаг назад, потому что - Господи, спаси и помоги! - он был уверен, что ещё чуть-чуть, и они бросятся на него всем скопом.

Свалят с ног одним ударом, как скот на бойне в Чикаго, подвешат за ноги и выпотрошат, а потом пройдут по коридорам тюрьмы кроваво-красным отрядом, неся высоко на шесте его голову.

Но этого не произошло.

Скэггс вышел вперёд, Скиннер - вместе с ним. Вождь племени и его шаман, оба заляпанные кровью и человеческой плотью.

- Если хочешь остаться в живых, чёртов одиночка, - грубо произнёс Скэггс, - лучше заткни свою пасть. И лучше бы тебе решить, на чьей ты стороне - на нашей или на их, потому что если ты не на нашей стороне...

- Если ты не на нашей стороне... - продолжил Скиннер. - Ха, твоя смерть будет жуткой, ублюдок.

Ромеро вскинул руки - древний жест, показывающий, что ты не вооружён.

Отлично срабатывало с бешеными псами и парнями, которые находились с ними на том же уровне эволюционного развития.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

- Я лишь говорю, что именно этого эти мудаки от нас и ждут. Ждут, что мы станем убивать охранников, насиловать слабых, жечь всё вокруг и мародёрствовать... Нам надо показать им, что мы выше всего этого. Мы просто хотим достойного обращения.

- Не тебе нас учить, петушок, - произнёс Скэггс и прошёл мимо.

Остальные бросились за ним, проталкиваясь мимо Ромеро и пачкая его мимоходом чужой кровью.

И когда они вырвались на улицу, то все рванули вперёд, крича и разыскивая любого, кого можно было избить.

Ромеро вздохнул и посмотрел на двоих охранников, которые пока ещё были живы. Да, сильно избиты, но живы. Они были привязаны к станкам.

В каком-то голливудском дерьмовом фильме это был бы отличный поворот, где одинокий зек помогает охранникам, которые никогда бы не помогли ему.

Ага, конечно.

- Лучше не издавайте ни звука, - сказал им Ромеро. - И, возможно, они о вас забудут. Это единственное, на что вы сейчас можете надеяться.

И он развернулся и пошёл на улицу, чтобы своими глазами увидеть бунт.

Наверно, лучше самому на всё взглянуть, пока полиция и армия не вернули власть над тюрьмой и не расколошматили всех до состояния валяющихся под деревьями гнилых и треснувших яблок.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-24-

Бунт.

Вот это была картинка.

Зеки собирались в банды и разгуливали по двору с ножами, обрезками труб, бритвами и оружием из захваченной оружейной.

Белые объединили силы с чёрными и латиносами.

И все неистовствовали.

В течение первого часа трое охранников были уже мертвы. Долго бурлившая ненависть вскипела и выплеснулась наружу. Парни увидели, что теперь в их руках есть оружие.

Кабинеты были разрушены.

Рабочие здания в тюрьме подожжены.

Камеры карцера были открыты, а сидевшие за решётками стукачи и слабаки - разорваны на кусочки сорвавшейся с цепи толпой зеков.

Ромеро вышел во двор. Там царил хаос.

Полнейший хаос.

Вертолёты уже были в воздухе, а полиция, использующая слезоточивый газ, вместе со спецназом и снайперами собирались группами снаружи стен.

Мобилизовали даже Национальную Гвардию.

Власти через громкоговорители призывали заключённых сдаться и отпустить заложников.

В ответ на это группа байкеров перебросила через забор труп охранника.

И всё же внутри стен тюрьмы среди осуждённых царило непривычное единство.

Белые собрались под предводительством членов мафии, подкреплённые Арийцами, байкерами и сотнями зеков, которые просто жаждали драки.

Чёрных возглавили наркоторговцы, сумевшие сплотить вокруг себя уличные банды, наркодилеров и сутенёров.

А латиносов взяли под своё крыло члены мексиканской мафии.

Во дворе тюрьмы белые выстроились возле одной стены, чёрные - у другой, а латиносы - у третьей.

А в центре двора, с заложниками, находились представители всех трёх группировок.

С наступлением темноты трое лидеров успокоили разошедшихся зеков и начали выдвигать по громкоговорителю свои требования.

Сначала их игнорировали, но стоило главарям сказать, что они станут убивать по одному человеку в час, как им сразу же ответили.

Переговоры длились ещё долго.

Территорию тюрьмы освещали прожекторы, и оцепила полиция и Национальная Гвардия.

СМИ тоже желали подключиться, но полиция не подпустила их к Долине Шеддок и на километр.

А около полуночи власти прервали переговоры.

И перекрыли воду.

А затем выключили электричество.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

-25-

Ромеро стоял в дальнем конце тюремного двора и наблюдал за кострами и поднимающимся в небо дымом от горящих зданий.

Зеки всё ещё были возбуждены, но сейчас большинство были ещё и пьяны и обкурены и подбадривали друг друга разговорами о свободе и братской любви.

Ромеро весь день слушал их разговоры и безумные планы.

Но в отличие от остальных он не был настолько наивен, чтобы в них верить.

Рано или поздно люди потеряют самообладание, и трупов будет не счесть.

Либо зеки перебьют своих же, либо полиция пойдёт на штурм и позаботится о бунтующих.

Одно из двух.

Но Ромеро переживал только из-за Палмквиста.

- Я нашёл его, - задыхаясь, произнёс Аквинтес, подбежав к Ромеро из другого конца двора и отводя его в сторону от группки курящих зеков.

- Я нашёл мальчонку.

- Где?

- Он был в карцере, - ответил Аквинтес. - Там его нашли зеки и избили обрезками труб, а когда не смогли привести в чувство, отволокли в санчасть.

- Ему хреново, брат, - продолжал Аквинтес. - Может, он пока и не умер, но это уже не за горами. Он в коме или типа того. Надо видеть ту больничку. Там везде тела. Чёрные привели туда парочку охранников, чтобы те перевязывали раненых.

Ромеро вздохнул. Значит, малец ещё жив. Только вот хорошо это или плохо?

Он затушил сигарету.

- Это очень плохо, ДжоДжо. То существо внутри Денни... его брат... оно и так уже разозлилось за то, что мальчишку избили, а тут ещё и это...

- И там темно, - добавил Аквинтес. - Как в заднице.

У Ромеро вдоль позвоночника пробежал холодок.

- Я туда схожу.

- Это плохая идея, - пробормотал Аквинтес.

Когда Ромеро шёл по двору, направляясь к зданию администрации, где находился лазарет, он слышал снаружи копов.

Звук был похож на скрежет по стене. Наверно, они собирались взбираться на нее.

- Я всё равно туда пойду.

Аквинтес хлопнул его по плечу.

- Эх, Ромеро. Ты просто настоящий латиноамериканский Джеймс Кэгни. Огромное сердце, а яйца и ещё вдвое больше. Ладно, друг мой, я иду с тобой.

Но ни один из них понятия не имел, навстречу чему они направляются.

Всё началось в один момент.

За воем сирен и криками из громкоговорителей никто ничего и не понял, пока не стало слишком поздно.

Группы спецназовцев бросили вперёд всю свою мощь, способную сокрушить любую преграду на своём пути.

Когда Ромеро с Аквинтесом добрались до часовни рядом с административным зданием, они увидели, как по верхнему краю стены бегут люди в чёрной форме, похожие на спящих пауков. Вниз полетели гранаты со слезоточивым газом.

При ударе о землю они взрывались.

Всюду виднелись яркие вспышки, слышались хлопки и взрывы, словно двор находился под миномётным огнём.

От гранат распространялся ядовитый газ - и не только возле административного здания, но и во дворе, на крышах и дорожках. Везде.

А гранаты со слезоточивым газом, казалось, никогда не закончатся.

Были слышны крики зеков, выстрелы, ответный огонь снайперов, снимающих восставших с верхней позиции, и снова одиночные выстрелы заключённых из захваченного оружия.

Но в темноте, да с учётом того, что большинство зеков были пьяные, обкуренные и растерянные, их меткость оставляла желать лучшего.

У спецназовцев были очки ночного видения, а у заключённых - спички, самодельные факелы и пара фонариков.

На стены подняли водомёты, а снайперы за это время уже подстрелили своих первых жертв. Винтовки с глушителями.

И прежде чем разъярённые заключённые смогли открыть по полицейским ответный огонь, в них под давлением ударили тонны воды, обливая и сбивая с ног.

Затем снова слезоточивый газ.

Светошумовые гранаты.

Войска готовились к смертельному удару.

К тому времени Ромеро и Аквинтес уже добрались до административного здания, хрипя, откашливаясь и протирая глаза, пробираясь по лабиринту длинных коридоров, взбираясь по лестницам и видя лишь периодические вспышки света снаружи.

- Они их там всех порвут, - задыхаясь, произнёс Аквинтес.

Так и было. Со двора доносились крики, ругань и мольбы некоторых зеков о пощаде.

А полиция отвечала залпами пластиковых пуль из автоматов и ручных пулемётов.

Но крики слышались не только снаружи.

Они доносились и сверху. С четвёртого этажа. Оттуда, где располагалась санчасть.

Мужчины посмотрели друг на друга в кромешной тьме. Запах смерти и слезоточивый газ, принесённый порывами ветра с улицы, свивались в мерзкий аромат, который смешивался со спускающимся с четвёртого этажа - тошнотворным, горячим запахом крови и страданий.

Они бросились вверх.

Снова крики, то высокие, то хриплые, как колокольный перезвон. Нечеловеческие. Нереальные.

Ромеро и Аквинтес перепрыгивали через ступеньки. Они слышали шум, чувствовали запах и ощущали нечто, сворачивающееся в их животах холодными клубками.

С верхнего этажа донёсся дикий вопль:

- Помогите! Помогите мне! Снимите это с меня! Снимите с меня эту хрень, мать вашу! О Господи! О Боже! А-а-а-а!

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Но не этот крик и влажные шлепки заставили Ромеро и Аквинтеса остановиться. Нет, они замерли, услышав резкий, скрежещущий шум, эхом отдававшийся от стен и заставивший стёкла дребезжать в рамах.

Этот крик не принадлежал ни человеку, ни животному. А может, напротив - и тому, и другому.

Неистовый, сумасшедший вопль, который перешёл в нечто, напоминающее злобный смех. Смех, наполненный презрением, страстью и - как осознал Ромеро - каким-то злобным удовольствием, как у ребёнка, добившегося желаемого.

«Это он, - подумал Ромеро. - Точно он».

Деймон вышел на свободу и сейчас развлекался, как маленький злобный ребёнок, поджигающий хвосты кошкам или отрывающий крылья мухам.

Только вот игрушками Деймона были не кошки и не мухи...

Люди.

Ромеро направился к двери в лазарет в конце коридора. Аквинтес крался следом.

Дверь была сорвана с петель, а вокруг на полу, как сломанные солдатики и выпотрошенные куклы, валялись охранники и заключённые.

Большинство из них были уже мертвы, а те, что остались в живых, явно спятили. Их глаза бездумно смотрели в одну точку, поблёскивая в свете фонарика.

Они что-то видели. Ромеро был в этом уверен. И что бы это ни было, оно насухо высосало их разум и превратило мысли и воспоминания в маслянистую кашу, вытекающую из их ушей.

Они что-то бормотали, всхлипывали и невидяще смотрели перед собой.

- Господи, - прошептал Аквинтес. - Раньше такого не было... Не было так жутко. Наверно... Наверно, что-то произошло...

Возле самого входа в больничный отсек они нашли тело одного из заключённых.

Его голова была почти откручена от туловища, оба предплечья оторваны, а язык и всё, к чему он крепится, вытащено через рваную рану под подбородком, как красный, кровоточащий галстук. Забавные проделки скучающего ребёнка.

Они переступили через него и... Господи, внутри было ещё страшнее!

Лазарет представлял собой длинную узкую комнату, как больничные палаты в старых-старых фильмах.

Все шкафчики с лекарствами и инструментарием были разграблены.

Но это случилось ещё до того, как Деймон вышел на охоту.

А теперь весь пол, стены и потолок были в алых кровавых разводах и пятнах.

Повсюду были разбросаны тела или отдельные части тел. Дьявольское созидание вырождающегося, неправильного разума ребёнка, не знающего границ.

Тела были расчленены.

Тела были обезглавлены.

Тела были освежёваны и выпотрошены.

Их кости были вырваны прямо через кожу и уложены аккуратными кучками рядом с бескостными оболочками.

Одни тела висели на светильниках на собственных кишках, а другие были насквозь прибиты собственными вырванными костями к штукатуренным стенам над карнизами.

Смесь скотобойни, мясной лавки и анатомического театра.

Но одна кровать оставалась нетронутой.

На ней под накрахмаленной белой простыней лежал некто, весь мокрый от слизи, но ни одна капля крови не запятнала ни его, ни белую простынь.

Палмквист.

Ромеро подошёл к пареньку на расстояние вытянутой руки, поднял валяющийся на полу фонарик и посветил на Палмквиста.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Малец не шевелился.

Его голова была забинтована, и вся повязка пропиталась кровью.

Ромеро взял у Аквинтеса маленький фонарик размером с ручку и проверил у Денни зрачки: один был расширен и не реагировал на свет, но второй - с булавочное отверстие.

- У него сотрясение мозга, а возможно, и с повреждением тканей, - тихо произнёс Ромеро, пытаясь сдержать рвотные позывы от запаха крови и выпотрошенных внутренностей. -

Он может проваляться в коме и день, и две недели. И всё это время каждую ночь...

И тут Аквинтес закричал.

Ромеро почувствовал, что над ним что-то болтается, как верёвка колокола, и тогда Аквинтес снова закричал.

Розовое щупальце, покрытое множеством присосок, обхватило его за ноги и вздёнуло к потолку.

Ромеро направил фонарик вверх.

Когда он подбирался к кровати, то отметал в сторону паутину, но теперь он понял, что это была не паутина, а тоненькие, похожие на паутинку то ли проводки, то ли нити, связывающие мальчика с чем-то, раскинувшимся на потолке.

Деймон.

Ромеро непроизвольно вскрикнул.

Аквинтес болтался под потолком, обвязанный щупальцами Деймона.

Ночной брат Палмквиста был огромнее, чем разложенные рядом три простыни.

Колышущаяся серая масса с кольцевидными, белыми, фиброзными наростами.

Десятки непрозрачных щупалец, нитей шевелились, извивались, корчились, как черви или опарыши в ведре, переползая от одной кафельной плитки на потолке к другой.

Отвратительно. Определённо отвратительно.

Ромеро оцепенело и бессмысленно смотрел на эту массу, которая шевелилась в тусклом свете и, казалось, с каждой минутой всё больше росла.

А щупальца Деймона были прозрачными, словно сделаны из такого же материала, как тела креветок.

Ромеро даже видел, как жидкость течёт по его венам и собирается в капилляры.

Некоторые щупальца заканчивались крючками, а некоторые - чёрными углублениями, похожими на рот, из которых капал едкий сок.

Ромеро так и не понял, откуда у него взялись силы.

Снаружи шла война, но она казалась такой далёкой, словно в летнюю ночь слышишь, как у соседей еле-еле бормочет телевизор.

- Деймон, - спокойно и доходчиво начал Ромеро, - опусти этого человека. Ты знаешь мой голос. Знаешь, что можешь мне доверять...

Создание вверху поёжилось, и из его туши появились несколько пузырей, которые оказались вовсе не пузырями, а жёлтыми глазами с красными, щелевидными зрачками.

Глаз было, по крайней мере, десяток, и с каждой минутой появлялись всё новые и новые.

- Деймон, - повторил Ромеро. Капли ядовитого сока упали на кожу Ромеро и прожгли там раны. Мужчина дёрнулся, но не отступил. - Прошу тебя, отпусти этого человека.

Это было полное сумасшествие. Но существо послушалось.

Оно поставило Аквинтеса обратно на ноги, и рот ДжоДжо раскрылся к кривом немом крике, а глаза стали похожи на два ночных, чёрных омута.

В том месте, куда к коже Аквинтеса прикасались эти мерзкие присоски, оставались красные синяки и кровоподтёки из-за разорвавшихся под таким давлением сосудов.

Ромеро глянул на существо.

Существо посмотрело на него в ответ.

Тик Каррэн – Бойся меня / Tim Curran - Fear Me

Ромеро постарался заставить себя не бояться. Не позволять холодку спускаться вдоль позвоночника, а внутренностям скручиваться в узел. Не испытывать отвращение и брезгливость при виде Деймона.

Его отвращение было скорее не физическим, а моральным.

Вид Деймона заставлял его душу вянуть и гибнуть.

Вот он - тайный брат, принимающий облик лишь по ночам, скрывающийся в самых тёмных и грязных закоулках души Палмквиста.

Существо, рождённое детскими страхами и ночными кошмарами, подкармливаемое первобытным человеческим ужасом.

«А вдруг его можно контролировать?» - подумал Ромеро.

И тогда в середине этой колышущейся массы открылся чёрный рот, окаймлённый жёлтыми кривыми зубами, и чудовище, которым и был Деймон, издало скрежещущий вой, наполненный чистым гневом.

Оно схватило Аквинтеса, отбросило в сторону и начало кромсать, разрывать и колоть своими щупальцами, крючками и присосками.

И в тот же момент Ромеро начал действовать.

Он вытащил из-за пояса заточку и всадил лезвие в горло Палмквиста, ударяя вновь и вновь, пока руки не стали мокрыми и тёплыми от крови и слёз, бегущих по его щекам.

«Ох, Денни, прости меня. Господи, прости, малец. Прости меня...»

Деймон выпустил то, что осталось от Аквинтеса.

Он глухо загрохотал: в этом звуке было и торнадо, и разрывающиеся бомбы, и грохот грузовых поездов, и вой сирен. Ромеро упал на колени, зажимая уши руками. Грохот разрывал барабанные перепонки. Из носа пошла кровь, сердце заколотилось, и захотелось самому себе выколоть глаза, чтобы только ничего этого не видеть. Чтобы всё это закончилось.

И тогда Деймон упал.

Упал, накрывая Ромеро, желая раздавить его, расплющить, разорвать, убить... Но со смертью Палмквиста умер и его брат.

Деймон развалился потоками грязи и крови, визжа, извиваясь, сопротивляясь. А потом не осталось и этого. Лишь скользкая, желеобразная жидкость под ногами.

Зажёгся свет.

То, что осталось от Деймона, пузырилось и испарялось.

Ромеро прикрыл глаза, когда через дверь ворвались спецназовцы.

Возможно, они увидели кровавую бойню. А, возможно, нож в его руке.

В любом случае, они не колебались.

Ромеро открыл рот.

И его прошили насквозь порядка тридцати пуль, распластывая на полу рядом с кроватью Палмквиста.

Ромеро издал последний судорожный вздох и умер.

Но то, что он увидел перед смертью, было почти благословением.

С бунтом было покончено.

Как и с Деймоном.